

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Метаязыковая характеристика «Российской
грамматики» М.В. Ломоносова (1757) и её перевода на
немецкий язык («Rußische Grammatick», 1764)**

**Выпускная квалификационная работа
соискателя степени бакалавра
Рычковой Анастасии Андреевны**

**Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Филиппов Константин Анатольевич
Рецензент:
д.ф.н., проф. Баева Галина Андреевна**

Санкт-Петербург

2017 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретическое рассмотрение метаязыковых особенностей в рамках научного дискурса XVIII века в России и Германии.....	6
1. Понятие метаязыка.....	6
2. Содержание метаязыка.....	7
2.1. Соотношение метаязыка и языка-объекта.....	7
2.2. Терминология.....	8
2.3. Общенаучная лексика.....	9
2.4. Метатекстовые высказывания.....	11
2.5. Графический метаязык.....	13
3. Особенности научного дискурса XVIII века.....	14
3.1. Научный дискурс и социально-лингвистическая специфика.....	14
3.2. Научный дискурс в Германии XVIII века.....	15
3.3. Научный дискурс в России XVIII века.....	23
Выводы к главе 1.....	
26	
Глава 2.....	27
1. Общие закономерности метаязыка «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.....	27
2. Лингвистическая терминология «Российской грамматики» М.В. Ломоносова.....	36
3. Общенаучная лексика как средство оформления метаязыковой структуры «Российской грамматики» М.В. Ломоносова.....	40
4. Метатекстовые высказывания в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова.....	48
5. Графический метаязык «Российской грамматики» М.В. Ломоносова....	52
Выводы к главе 2.....	
54	
Заключение.....	56
Библиография.....	58

Введение

Данная работа посвящена анализу метаязыковых особенностей "Российской грамматики" М. В. Ломоносова и сопоставлению ее с переводом на немецкий язык.

Интерпретация метаязыка неразрывно связана с изучением принципа построения научного текста и языка науки в целом. На необходимость изучения данного направления указала Н.Ю. Бокадорова в 90е годы XX века. Она писала, "науке о языке в настоящее время необходимо самопознание" [Бокадорова 1986: 68]. Вопрос изучения языка науки остается актуальным и сегодня, тем более что в настоящее время наблюдается повышенный интерес лингвистов к изучению различных аспектов научного дискурса. **Актуальность** настоящей работы обусловливается также тем, что сопоставительные исследования позволяют выявить некоторые закономерности в построении научных текстов и определить метаязыковые особенности грамматического описания в России XVIII в. с учетом тенденций науки эпохи немецкого Просвещения.

Материалом исследования является "Российская грамматика" М. В. Ломоносова, вышедшая в свет в 1757 году, а также перевод на немецкий язык, выполненный Л. Стaфенгагеном в 1964 году. Исследованию научных методов Ломоносова, изучению словоупотребления (особенно использование различных терминов), формированию его научного мировоззрения было выделено недостаточно внимания при изучении историологии науки о языке.

Учитывая также тот факт, что научное мировоззрение Ломоносова складывалось под влиянием латинской и немецкой традиции, изучение наследия Ломоносова приобретает новое значение. В соответствии с этим **цель** исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать, каким образом европейская традиция грамматического описания отразилась на создании научных трудов Ломоносова, в том числе «Российской грамматики», а также выявить метаязыковую специфику русского научного текста.

Для достижения данной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) Рассмотреть понятие метаязыка и определить его основные составляющие.
- 2) Выявить особенности, характерные для научного дискурса XVIII века в России и в Германии.
- 3) Установить главные факторы, оказавшие влияние на становление Ломоносова как ученого и на создание одного из его главных филологических сочинений, "Российской грамматики".
- 4) Провести сопоставительный анализ употребления метаязыковых элементов в русском и в немецком текстах с учетом переводческого и дискурсивного аспектов исследования.

В рамках данного исследования были использованы следующие **методы**: 1) метод лингвистического описания, благодаря которому нам удалось описать особенности метаязыка на всех языковых уровнях; 2) метод сопоставительного анализа текста оригинала и перевода, что позволило нам вывести основные сходства и различия метаязыка двух текстов.

Структура работы определена целями и задачами исследования. Дипломная работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Во **введении** излагается тема исследования, ее актуальность, определяется цель работы и задачи, которые необходимы для достижения поставленной цели.

Глава 1 посвящена теоретическому рассмотрению метаязыка и его содержания, а также становлению научного дискурса в Германии и России XVIII века, в частности внимание обращено на взаимосвязь двух научных традиций и формированию Ломоносова как ученого в условиях диалога в области науки.

Глава 2 рассматривает особенности метаязыка Российской грамматики, которые включает в себя терминологию, общенациональную лексику, метатекстовые высказывания и графический метаязык. Параллельно

проводится сопоставление с текстом перевода на немецкий язык. При этом внимание обращается не только на переводческий аспект, но и на закономерности, характерные для научного дискурса.

Заключение отражает основные выводы, сделанные в результате сопоставительного анализа двух текстов.

Теоретическая значимость данной работы заключается в создании классификации метаязыковых средств, которую можно применить к анализу различных научных текстов, а также в составлении перечня закономерностей метаязыка "Российской грамматики" Ломоносова, что станет вкладом в общую систему исследований, посвященных наследию Ломоносова.

Практическая ценность обуславливается тем, что изучение истории науки о языке и развития научных систем может помочь при составлении собственного научного текста. Кроме того, результаты работы могут быть использованы при прочтении курса лекций о немецком как языке науки в сопоставительном аспекте с русским языком. Данная дисциплина может помочь студентам, начинающим научную деятельность, составить правильное представление о написании научных работ.

Глава 1

1. Понятие метаязыка

В данной главе речь пойдет о том, что входит в понятие «метаязыковые особенности». Для этого мы обратимся к таким ключевым понятиям, как «метаязык», «метаязыковая функция», «метатекст».

В «Словаре лингвистических терминов» понятие «метаязык» определяется следующим образом: «язык ‘второго порядка’, т. е. такой язык, на котором говорят о языке же (языке-объекте); язык, объектом которого является содержание и выражение другого языка ‘язык второго порядка’». [Ахманова 2016: 232]. Тем самым в систему языка вводится противопоставление метаязыка языку-объекту, который в свою очередь является языком первого порядка. Язык-объект представляет не что иное, как язык, который мы используем как средство повседневной коммуникации. Метаязык же используется для описания процессов, происходящих в языке. С ним мы сталкиваемся в первую очередь в академической среде, например, при прочтении научных статей. Главное отличие двух разновидностей языков заключается в их предмете. Язык-объект соотносится с внеязыковой реальностью, его структурные единицы, то есть слова, предназначены для обозначения предметов, процессов, действий, которые окружают нас. Предметом метаязыка в свою очередь является сам язык. Его формула звучит как язык о языке. Таким образом, создается двухуровневая система, в которой верхнюю ступень занимает метаязык, так как его функциональная область является шире. Это объясняется закономерностью, что метаязык в свою очередь может стать языком-объектом, описанием которого занимается уже мета-метаязык, другими словами метаязык о метаязыке [Metzler Lexikon Sprache 2016: 430].

Понятие метаязыковой функции и соответственно метаязыка берет свое начало в работе Р. Якобсона «Лингвистика и поэтика». Наравне с коммуникативной, апеллятивной, поэтической, экспрессивной и фатической функциями речевой коммуникации Р. Якобсон выделяет еще одну

дополнительную функцию – метаязыковую, или функцию толкования [Якобсон 1975: 6].

2. Содержание метаязыка

2.1. Соотношение метаязыка и языка-объекта

В связи с тем, что метаязык может выполнять функции языка-объекта, встает вопрос об объеме каждого из видов языков. Особенность метаязыка заключается в единстве предмета описания и его инструмента: иными словами, для описания языка метаязык использует средства всех языковых уровней (лексического, морфологического, грамматического, стилистического). Н.Б. Гвишиани говорит о том, что «метаязык языкоznания в значительной своей части строится на основе тех же единиц, что и язык-объект, т. е. имеет с ним единую (тождественную) субстанцию» [Гвишиани 1990: 297]. В данном высказывании и далее делается упор на единство метаязыка и языка-объекта. Одновременно метаязык «выступает и как часть естественного языка» [Там же: 297]. При этом возникает следующее противоречие. С одной стороны, утверждается тождество понятий с точки зрения их составляющих, метаязык и язык-объект рассматриваются как равные системы, состоящие из языковых единиц. С другой стороны, указывается на то, что метаязык является частью естественного языка. Однако если рассмотреть данное заключение в обратном направлении, то именно естественный язык является частью метаязыка, как более обширного и комплексного понятия. Как верно утверждается в словарной статье, метаязык строится по тем же принципам, что и естественный язык, однако в дополнение к средствам естественного языка относятся также определенные метаязыковые средства, как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

2.2. Терминология

Говоря о содержании метаязыка, в первую очередь, многие лингвисты обращаются к терминологии, которая образует так называемое ядро метаязыка. Так одна из основных задач металингвистики заключается в обнаружении и систематизации основных понятий метаязыка, подавляющее большинство из которых представляют собой термины и их взаимодействие внутри системы [Ахманова 1961: 115]. Именно в термине, согласно А. С. Герду, научное знание находит свое лексическое выражение, тем самым включаясь в семантическую структуру того или иного языка науки [Герд 1996: 72]. А. С. Герд обращает внимание на то, что «термин – слово, обязательно соотносимое с определенной единицей соответствующей логико-понятийной системы в плане содержания» [Там же: 72]. То есть мы можем считать термин, как лексическую единицу, планом выражения научного знания. В этом заключается назначение терминов любой области научного знания.

Согласно Д. С. Лотте, термин должен удовлетворять следующим требованиям: «краткость, однозначность, мотивированность, простота, согласование с другими имеющимися в терминосистеме терминами, т.е. системность» (цит. по: [Арнольд 1991: 88]). В первую очередь данные признаки были разработаны для создания новых терминосистем (как это имело место быть в начале 20 века с появлением новых научных исследований в области науки и техники). Однако их можно также рассматривать как критерии для анализа уже существующих терминов. Данные требования распространяются на термины, относящиеся к любым областям знания. В рамках данной работы нас будет интересовать лингвистическая терминология, что обусловлено материалом исследования.

Как отмечает Н. А. Слюсарева, «лингвистические термины обладают своими особенностями» [Слюсарева 1979: 69]. Н. А. Слюсарева указывает на их двойственную природу, что обуславливается их функциями. С одной стороны, термины закрепляют и классифицируют уже существующее знание.

Это так называемая познавательная функция, которая представляет собой закрепление уже познанного. С другой стороны, термины могут служить «инструментом открытия нового знания» [Там же: 72]. Данная функция именуется как инструментальная, или метаязыковая.

2.3. Общенаучная лексика

К метаязыку относят также общенаучную лексику, которая определяется как «особый разряд языковых средств, реализующих функцию передачи «интеллектуальной» информации» [Гвишиани 1983: 66]. Общенаучная лексика включает в себя слова и словосочетания, которые характерны для текстов научного стиля независимо от научной области и темы. Однако не стоит ограничивать метаязык только лишь лексическим уровнем. Как слово раскрывает свое значение в предложении, так и термин получает свою дефиницию в определенных структурах. Поэтому в данном случае мы можем говорить о том, что метаязык обладает метаграмматикой [Бокадорова 1986: 69], или метасинтаксисом [Ахманова 2016: 8]. С помощью определенных метасинтаксических конструкций тот или иной термин становится частью текста, обретает смысл внутри определенного контекста, другими словами, он становится частью метаречи [Гвишиани 1990: 297]. Так как термины являются одной из главных составляющих научного текста, то именно они в сочетании с общенаучной лексикой образуют метатекстовую структуру.

В связи с этим И. С. Куликова и Д. В. Салмина вводят понятие металингвистической коммуникативной ситуации (МКС). Под текстовыми МКС следует понимать такие фрагменты научного текста, смысловым ядром которых является термин [Куликова, Салмина 2002: 102-103]. Они выделяют текстовую и дискурсную МКС. В рамках данного исследования нас будут интересовать только текстовые МКС (Т-МКС). В работе выделяются различные виды текстовых МКС, например, «введение термина в парадигму», «определение (дефиниция) термина», «оценка термина» и

другие.

Для конструирования той или иной МКС используются конструкции в разнообразном лексическом оформлении. Однако при анализе данного рода металингвистических ситуаций стоит обратить внимание не только на лексическую наполняемость высказывания, но также и на его морфологическую характеристику. Выделяются различные черты научной речи на уровне морфологии, которые, с одной стороны, являются общими как для русской, так и для немецкой традиции построения научной речи, а с другой стороны, являются характерными особенностями научного дискурса определенного языка. Так, например, для немецкого научного текста характерно использование пассивных форм и синонимических им пассивных конструкций [Ризель, Шендельс 1975: 132]. В русском научном тексте для создания объективности текста используются возвратные глаголы в страдательном значении, безличные глаголы с модальным значением долженствования, краткие формы страдательных причастий [Сенкевич 1976: 119-120]. Одной из главных стилистических особенностей научного текста также является номинальный стиль речи, который характеризуется частым преобладанием таких частей речи, как существительные и прилагательные.

Одной из закономерностей номинального стиля является перенесение релевантной для данного текста информации с глагола на существительное, вследствие чего в научном тексте можно встретить большое количество десемантизованных глаголов [Богатырева, Ноздрина 2005: 39]. Данные способы формирования научного текста на различных языковых уровнях образуют в совокупности его метакоммуникативную структуру. Введенное И. С. Куликовой и Д. В. Салминой понятие металингвистической коммуникативной ситуации представляет собой не что иное, как использование в тексте терминов и встраивание их в структуру текста посредством общеначальной лексики и стилистических особенностей, присущих научному стилю на морфологическом и синтаксическом уровнях. Исходя из этого и в силу того, что данный термин не устоялся в

лингвистической традиции, в рамках данной работы предлагается использовать понятие «общенаучной лексики», которое предполагает оформление научного текста при введении термина, иллюстрации термина примером, введение классификации (подробнее данные конструкции будут рассмотрены во 2 главе).

2.4. Метатекстовые высказывания

От общенаучной лексики, определяющей построение научного текста, следует отличать так называемые метатекстовые конструкции, или метатекстовые высказывания. Коммуникативные ситуации представляют собой организацию структуры текста вокруг термина. Метатекстовыми можно считать такие высказывания, в которых речь идет о самих высказываниях. По отношению к таким высказываниям А. Вежбицка вводит понятие двутекста. [Вежбицка 1978: 404].

Подобного рода высказывания мы можем сравнить также с понятием модальных компонентов, к которым обращается в своих работах С. Т. Нефедов и определяет их как «'эго-проекции' когнитивных установок, эмоциональных переживаний и волевых устремлений говорящего человека в дискурс-текст» [Нефедов 2008: 37]. С точки зрения синтаксической структуры данные высказывания могут иметь различную форму выражения: «форму предложения, предложно-субстантивного словосочетания, отдельной падежной словоформы или краткого нефлективного слова» [Нефедов 2008: 154]. С точки зрения семантики, отличительная черта данных высказываний заключается в том, что, несмотря на стремление к объективности научного текста, они представляют собой средства выражения авторского мнения. Главная их функция заключается в установлении определенной модальности высказывания. При этом семантика этой модальности может варьироваться: степень уверенности, эмоциональная оценка.

А. Вежбицкой была предложена классификация, в основу которой положен семантический принцип. В рамках данной классификации

выделяются следующие группы метатекстовых высказываний:

- 1) *Выражения, в которых упоминается сам акт речи*: «короче говоря», «кстати говоря», «иными словами». Данный вид высказывания можно обозначить как автоцитату, так как продуцент речи делает ссылку на собственные слова.
- 2) *Выражения с указанием на источник высказывания*. С помощью таких конструкций говорящий разграничивает свои собственные слова от чужого высказывания. Другими словами, данные метатекстовые высказывания служат для цитации в научном тексте. Семантической доминантой в данном классе высказываний служит выражение «говорят».
- 3) *Выражения с семантикой «уверенности высказывания*. В метатекстовых конструкциях данной группы продуцент речи дистанцируется по отношению к отдельным частям высказывания («скорее», «почти», «довольно», «собственно говоря»).
- 4) *Выражения, указывающие на тему высказывания* («что касается», «если речь идет о», «насчет»). Как вспомогательное средство для данного вида высказываний служит также грамматическая категория определенности/неопределенности (в немецком языке это, в первую очередь, артикли), актуальное членение предложения, интонация.
- 5) *Выражения, определяющие направления хода мысли*. Высказывания, относящиеся к данной группе, задают очередность и логическую последовательность излагаемой в тексте информации («во-первых», «во-вторых», «прежде всего»). Задача метатекстовых конструкций с данной семантикой состоит в том, чтобы обратить внимание читателя или слушателя на последующую далее информацию.
- 6) *Выражения, устанавливающие эквивалентность или квазиэквивалентность внутри текста*. К ним относятся как вводные слова, такие как «иначе говоря», «например», «то есть», так и перформативные глаголы: «подчеркиваю», «резюмируя», «утверждаю».

Мы отмечали ранее, что как модальные компоненты, выделяемые С. Т.

Нефедовым, так и метатекстовые выражения А. Вежбицкой представляют собой коммуникативно-прагматические понятия, то есть они используются продуцентом речи, чтобы выразить свое отношение к сказанному, с одной стороны, и обеспечить определенное восприятие текста реципиентом, с другой стороны. Однако классификация А. Вежбицкая, в основу которой хотя и положен семантический принцип, исключает выражения со значением модальности, который мы должны привлечь в последующий анализ.

2.5. Графический метаязык

Метатекстовая структура текста не ограничивается только лишь его языковой характеристикой. На комплексное восприятие текста влияет также его графическая организация, которую И. В. Арнольд обозначает как графический метаязык. Большинство единиц графического метаязыка, используемых в лингвистических работах, берет свое начало в математике. Данную тенденцию в составлении текста можно обозначить как «общую математизацию наук в XX веке» [Арнольд 1991: 100]. Среди паралингвистических средств организации метатекста выделяется буквенная символика, которая является переходной стадией между вербальным метаязыком и графиком. К ней относят, например, буквенные аббревиатуры, сокращения, которые автор для компрессии текста. Для последующего металингвистического анализа материала исследования также важно выделение в графическом метаязыке схем, таблиц и графиков. Они служат для схематизации информации, ее наглядного представления и обобщения. Кроме того, составление таблиц зависит от индивидуального восприятия информации автором и от того, на какого реципиента рассчитан тот или иной текст. В рамках данного исследования проводится сопоставление «Российской грамматики», выполненной на русском и на немецком языках. Разные языки предполагают разную читательскую аудиторию и, следовательно, различную традицию интерпретации текста, что следует учесть при сравнительном анализе графического метаязыка.

В соответствии с представленной научной литературой, можно составить классификацию, на основании которой проводится анализ метаязыковых особенностей «Российской грамматики»:

- 1) *Лингвистическая терминология*. Так как материалом исследования является «Российская грамматика», то терминология ограничивается языковыми понятиями в соответствии с разделами грамматики: орфография, фонология, морфология, синтаксис;
- 2) *общенаучная лексика*, функция которой заключается в организации общей структуры метатекста;
- 3) *метатекстовые высказывания*, использование которых определяет модальность текста, а также последовательность изложения информации;
- 4) *графический метаязык*, включающий в себя, в первую очередь, аббревиатуры, таблицы, шрифт, текстовые выделения, а также обозначения параграфов, нумерации и др.

3. Особенности научного дискурса XVIII века

3.1. Научный дискурс и социально-лингвистическая специфика

При описании метаязыка О. С. Ахманова обращает также внимание на «определенный социально-лингвистический аспект» [Ахманова 1966: 4]. Он включает в себя признаки, характерные для той или иной эпохи, направления, автора. Данные признаки влияют как на создание текста (закономерности построения текста, его структура, лексическое оформление), так и на восприятие его читателями. В рамках данной работы социально-лингвистический аспект приобретает особое значение в отношении материала исследования (время создания, особенности типа текста, особенности авторского стиля), так как они определили метаязык представленных произведений.

Материалом исследования является «Российская грамматика» М. В. Ломоносова. Она была издана в Санкт-Петербурге в 1757 году, и уже в

течение XVIII века она насчитывала 5 переизданий, что говорит о роли данного сочинения для науки в России того времени. В 1964 году в свет вышел перевод грамматики на немецкий язык, выполненный Иоганном Лоренцом Страфенгагеном. Известно, что Ломоносов участвовал в подготовке текста к переводу, о чем свидетельствуют выявленные в ходе сравнительного анализа текста подлинника и перевода смысловые различия. Вероятно, автор грамматики вносил поправки еще до передачи текста переводчику (подробнее см. [Филиппов 2009: 259]).

В данном случае необходимо учитывать тот факт, что научные труды Ломоносова нельзя рассматривать отдельно от его жизненного пути и становления как ученого. Будучи студентом, Ломоносов «усердно изучал немецкий язык», что дало ему в дальнейшем шанс войти в группу студентов, которых отправили для дальнейшего обучения в Германию. В Германии Ломоносов в целом пробыл четыре с половиной года. Время, проведенное в Германии, оказало большое влияние в формировании Ломоносова как ученого [Бухаркин 2013: 407 – 409]. Поэтому обращаясь к анализу одного из главных филологических трудов Ломоносова, необходимо подробнее рассмотреть ту среду, в которой формировалось его научное воззрение, а именно научную жизнь в Германии XVIII века.

3.2. Научный дискурс в Германии XVIII века

Вопрос о становлении языка науки в Германии рассматривается многими отечественными и зарубежными лингвистами. Среди немецких ученых, которые уделяли внимание научному дискурсу в Германии, стоит назвать П. Ауэра, Г. Баслера, Ю. Шиве, К. Кох, Г. Штикеля, Л. Айхингера. В России проблема становления немецкого языка как языка науки отражена в работах С. С. Волкова, К. А. Филиппова, А. С. Бакулиной и др. При этом в русской научной литературе принято рассматривать влияние немецкого научного дискурса на развитии языка науки в России, в частности большое внимание уделяется формированию грамматической традиции.

XVIII век – это век Просвещения в Германии, главные принципы которого отражаются в двух на первый взгляд противоречащих друг другу понятиях – разум и вкус. К. А. Филиппов обращает наше внимание, что обозначения этого столетия (*Jahrhundert der Vernunft und Jahrhundert des Geschmacks*) в контексте историко-грамматического дискурса той эпохи дополняют друг друга [Филиппов 2013: 186]. С одной стороны, кульп разума в данный период развития культуры объясняет небывалый интерес к развитию научного знания и попытку закрепить имеющиеся знания (грамматика в данном случае является одной из форм систематизации знания). С другой стороны, ученый того времени не ограничен в форме изложения материала и вправе делать это на свой вкус. Способ выражения автора как индивидуума в научном тексте заключается как раз в использовании метатекстовых конструкциях [Auer, Baßler 2007: 19]. Именно в данный период времени необходимо искать «истоки современного немецкого научного дискурса» [Филиппов 2013: 41]. Однако для понимания причин зарождения немецкого научного языка, нам следует обратиться к общей культурной, научной и исторической среде того времени.

До конца XVII века характерной чертой в научной среде было использование латыни как рабочего языка: на ней читались лекции, писались книги, велась научная дискуссия. В то время как латынь была основным средством коммуникации в ученой среде, основным средством выражения практического знания был немецкий язык [Schiewe 2007: 35-36]. Этот факт можно объяснить тем, что латынь была *lingua franca* в академической среде того времени, с помощью нее ученые из разных стран Европы могли вести научные обсуждения. Ремесло же было национальным явлением, оно было приближено к жизни населения, поэтому было важно, чтобы специальная литература и общение в этой сфере велось на немецком языке, который был бы понятен всем.

Процесс перехода от латинского языка к немецкому начался с тенденции заимствования латинских научных терминов. Это происходило

частично посредством перевода существующих латинских терминов, частично в ходе их ассимиляции и интеграции в немецкий язык [Schiewe 2000: 86]. Одним из последствий данного процесса является сосуществование в языке двух параллельных терминологических систем: латинской и немецкой [Roelcke 2005: 173]. С одной стороны, мы можем рассматривать терминологическое двуязычие как переходный этап в процессе формирования немецкой научной терминологии. С другой стороны, нельзя отрицать, что данное явление существует и в современном научном дискурсе. Например, при рассмотрении грамматических терминов, обозначающих типы придаточных предложений, мы обнаружим две традиции обозначений: одна группа терминов имеет латинское происхождение, другая группа представляет собой их немецкие соответствия (ср. Konsekutivsatz – Folgesatz, Konditionalsatz – Bedingungssatz). Создание немецкой терминологии в XVIII веке имело, прежде всего, цель уход от латыни, как господствующего языка науки. Однако данный процесс имеет также дополнительную функцию. Как отмечал Н. Glinz, причину создания исконно немецких грамматических терминов в период Просвещения можно объяснить стремлением к понятности, так как в немецком языке термины получали мотивировку, например, «Satzgegenstand» für Subjekt, «Aussage» für Prädikat [Glinz 1987: 39]. Хотя при этом мы не можем отрицать и тот факт, что латинские термины также имеют мотивировку, и их «прозрачная» внутренняя форма понятна для тех, кто знает латынь.

Многие лингвисты обращают внимание в основном на латынь, как язык научного общения. Однако стоит также упомянуть и о распространении французского языка в Германии XVII века. Период сильного влияния французского языка получило в немецком название «Alamodezeit». Так Г. Штикерль, ссылаясь на Г. В. Лейбница, отмечает существующий в конце XVII века в Германии языковой кризис. Этот кризис был обусловлен двумя факторами: 1. сосуществование в обществе трех языков: немецкого как языка повседневного общения, а также латинского и французского как языков науки

и политики; 2. вытекающий из первого фактора недостаток использования немецкого языка, а следственно недостаточное его развитие [Stickel 1999: 16]. Хотя латынь и была языком науки, но языком высших слоев общества, особенно при дворе Фридриха II, был французский. И многие грамматисты XVIII века ставили своей задачей отказ от использования его в повседневном общении. Известно, что создатель немецкой грамматики, ставшей образцом на многие десятилетия, И. К. Готшед призывал свою жену писать ему письма не на французском, а на немецком языке [Eichinger 1994: 285]. Значимость французского языка мы можем также проследить на примере перевода «Российской грамматики» на немецкий язык. Так многие таблицы с примерами, основанными на русском языке, были адаптированы для немецкого реципиента, а именно путем добавления примеров не только из немецкого, но и из французского языка.

Говоря о становлении языка науки в целом, немецкие лингвисты выделяют три знаковые фигуры, которые во многом дали начало формированию научной коммуникации в Германии на немецком языке. Среди них *Готфрид Вильгельм Лейбниц*, который выдвинул идею об использовании немецкого языка, как языка науки, *Христиан Томазий*, который был одним из первых, кто применил эту идею на практике, и *Христиан Вольф*, который предпринял первую попытку систематизации научного знания на немецком языке [Schiewe 2000: 87].

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646 – 1716) был философом, логиком, математиком, физиком, юристом и, что для нас более важно, языковедом. Его лингвистическое сочинение «*Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache*» («Предварительные размышления об использовании и совершенствовании немецкого языка»), написанное в 1697 году, стало отправной точки для становления немецкого научного дискурса. Основная мысль его труда заключалась в необходимости использования немецкого языка в научной среде. Именно в языке науки Лейбниц видел силу, которая смогла бы поспособствовать общему развитию

языка и вывести его из кризиса [Stickel 1999: 17]. Большую роль при переходе с латыни на немецкий язык Лейбниц придавал именно формированию лексического состава языка. Свое предложение о формировании лексикона он выразил в трех положениях. Во-первых, им было предложено провести лексический анализ слов. Во-вторых, имеющийся словарный состав немецкого языка необходимо было свести в словарь, при этом предварительно проведя классификацию таким образом, чтобы в конечном итоге получилось 3 вида словаря: словарь обиходных слов, словарь устаревших слов и диалектизмов и терминологический словарь. И третий шаг заключался в составлении словарного регистра [Филиппов, Волков 2014: 11-12]. Таким образом, Лейбниц не только указал на существующую необходимость расширения области использования немецкого языка, но и предложил возможные пути решения существующей проблемы с уклоном в лексикологию и лексикографию. Хотя роль Лейбница и заключается в том, что он обратил внимание на научный дискурс в Германии, но интересным остается тот факт, что сам он по большей части писал на латыни или французском языке. Некоторые его сочинения, написанные на немецком языке, вышли в свет только после его смерти.

Первые попытки внедрить немецкий язык в университет предпринял Христиан Томазий (1655 – 1728). Его заслуга заключается в том, что он впервые начал читать лекции в университетах Германии на немецком языке, тем самым нарушив традицию, с одной стороны, и показав новые перспективы развития научной жизни, с другой стороны.

Христиан Вольф (1679 – 1754) был в первую очередь математиком и философом. Его современники считали его идейным продолжателем Г. В. Лейбница. Вольф, его ученики и последователи взяли на себя задачу перевести на немецкий язык теоретические труды Лейбница, систематизировать их и популяризовать [Филиппов, Волков 2014: 16]. Вместе с тем Х. Вольф внес большой вклад в развитие немецкого языка, а именно создал терминологическую базу в области философии и математики, а также

разработал черты научного стиля.

В качестве характерной черты для научного стиля Вольф называет использование терминов, которые должны обладать постоянством их употребления (*Verwendungskonstanz*) и устойчивостью значения (*Bedeutungskonstanz*). Кроме того, важным считается «сухость» научного стиля (*Nüchternheit des Stils*) [Schiewe 2007: 43]. Интересно отметить, что выделенные Вольфом в начале XVIII века признаки останутся актуальными и в современном терминоведении. Так главными свойствами термина П. Ауэр и Г. Баслер называют точность (*Exaktheit*), однозначность (*Eindeutigkeit*), независимость от контекста (*Kontextunabhängigkeit*). Кроме того они отмечают, что научный стиль должен быть нейтральным [Auer, Baßler 2007: 13]. Таким образом, Х. Вольф послужил родоначальником немецкой терминологии, определив ее основные признаки.

В целом мы можем охарактеризовать XVIII век как эпоху фиксации нормы письменного варианта научного языка. Л. М. Айхингер выделил три этапа становления нормы языка. Первый этап заключается в поиске нормы, второй этап предполагает собой закрепление языковой нормы, а для третьего этапа характерно оценка статуса закрепленной нормы [Eichinger 1990: 76-77]. Классификация Л. Айхингера, прежде всего, относится к XVI веку, эпохе реформаторской деятельности Мартина Лютера. Именно в данный период появляются первые грамматики, написанные не по латинской традиции. Одной из них была «Немецкая грамматика» Валентина Икельзамера. [Filippov 2002: 273].

Однако подобную схему можно применить и к изменениям, затронувшим научный дискурс в XVIII веке. Деятельность Г. В. Лейбница и Х. Вольфа представляет собой первый этап становления языковой нормы в рамках научного дискурса. Второй этап, заключающийся в фиксации нормы, мы можем соотнести с появлением первых немецкоязычных грамматик. Составление грамматики, ставшими образцами не только в Германии, но и в России, связано с именами *Иоганна Кристофа Готшеда* и *Иоганна*

Кристофа Аделунга. Именно их труды заложили основы грамматической концепции, «которые были продолжены трудами братьев Гримм, Вильгельма Гумбольдта и других выдающихся немецких языковедов» [Филиппов 2013: 195].

Иоганн Кристоф Готшед (1700 – 1766) был крупным немецким писателем и теоретиком литературы эпохи Просвещения. Его также считают последователем идей Лейбница и Вольфа. L. Eichinger отмечает, что уже в его первых публикациях прослеживается интерес к проблеме «разумного» использования немецкого языка [Eichinger 1990: 77]. Однако самым значительным лингвистическим трудом И. К. Готшеда можно считать его немецкоязычную грамматику «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», которая вышла в свет в 1748 году. Его заслуга заключается не столько в личном открытии нового научного знания, сколько в сведении уже существующего знания вместе в достаточно традиционной форме и его систематизации [Eichinger 1994: 283].

Грамматика Готшеда состоит из 4 частей, которые представляют собой основные аспекты языка: орфография, этимология, синтаксис и просодика. В отличие от современных грамматик, задача которых заключается в изложении материала, готшедовская грамматика преследует цель обратить внимание на ценность немецкого языка, его языковую норму и культуру речи. Одним из способов воплощения этих принципов является отказ от латинской терминологии в пользу немецкой. Одна из его заслуг заключается также в создании грамматической терминологии, что еще раз показывает его интерес в развитии научного дискурса в Германии [Там же: 285, 289].

Еще одним создателем грамматики был Иоганн Кристоф Аделунг (1732 – 1806). Его перу принадлежат более 70 филологических работ, посвященных этимологии, сравнительному языкознанию, орографии, грамматике, а также учебники для школ [Манерова 2013: 79]. Одним из значительных сочинений Аделунга можно назвать его грамматический труд «Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache», вышедший в свет в 1782 году. Данная

грамматика переняла традицию грамматики И. К. Готшеда, с одной стороны, но сделала шаг по направлению к фиксации письменной нормы немецкого языка (*Schriftlichkeit*), с другой стороны [Eichinger 2008: 250]. Кроме того, новаторство Аделунга заключается в том, какую задачу он приписывает грамматике. В подзаголовке грамматики он указывает функциональную направленность данного сочинения, а именно «*Zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen*» [Филиппов 2015: 47]. Тем самым он не только пытается зафиксировать языковую норму, как таковую, но и распространить ее с помощью вовлечения грамматики в школьный процесс, чтобы она стала частью живого языка.

В выборе терминов Аделунг придерживается иного подхода. Он не отказывается полностью от латинских терминов, как это делает Готшед, и пытается интегрировать их в немецкий текст. Свое предпочтение латинским терминам Аделунг объясняет тем, что не находит немецкие соответствия удачными [Манерова 2013: 81]. Ссылаясь на германиста А. Весте, К. А. Филиппов определяет место Аделунга в научном дискурсе как переходный этап «от традиционной школьной грамматики к научной грамматике в сегодняшнем смысле этого слова» [Филиппов 2015: 56].

Влияние немецкой научной традиции на формирование грамматического концепта в России можно просматривать как в широком, так и в узком смысле. Если рассматривать вопрос в широком смысле, то стоит отметить историческую закономерность, в рамках которой Россия в XVIII веке находилась под особым влиянием немецкого языка. Это можно объяснить тем, что Академия наук в России, которая во многом определяла ее научную жизнь, состояла, прежде всего, из приглашенных ученых из разных частей Германии. Соответственно рабочим языком подобного интернационального коллектива помимо латыни и французского, был немецкий. Наука в России XVIII века говорила на немецком наречии [Волков, Филиппов, Карева 2014: 12]. Подобную тенденцию замечает и К. Koch, указывая на то, что образцом для составления грамматик служили

грамматики Готшеда и Аделунга [Koch 2002: 385-386]. С другой стороны, черты немецкого дискурса прослеживаются в трудах отдельных ученых, в том числе и Ломоносова. Известно, что во время своего пребывания в Германии Ломоносов был учеником Х. Вольфа, под чьим руководством были написаны первые научные труды юного Ломоносова. Это знакомство и совместная деятельность во многом сформировала научное мировоззрение Ломоносова, что отразилось в его более поздних работах [Филиппов, Волков 2014: 18].

3.3. Научный дискурс в России XVIII века

Как заметил К. А. Филиппов, в период становления научного дискурса ученые, как в России, так и в Германии сталкивались с похожими проблемами. Как уже было отмечено в предыдущем пункте, главная задача немецких ученых-просветителей заключалась в создании немецкого языка, как языка науки, в то время как лидирующие позиции в академической среде принадлежали латыни. Похожая ситуация была и в России. Латынь также имела свое влияние в университетской среде, однако языком-конкурентом стал еще и немецкий [Филиппов 2013: 253]. Свое влияние имел также и французский, который считался языком общения при дворе. Распространение этих языков в России обуславливалось тем, что студенты Академической гимназии и университетов занимались в первую очередь изучением старых и новых языков, а именно латыни, немецкого и французского. Соответственно учебные пособия составлялись на этих же языках [Карева 2014: 30-31]. Ярким примером этому может послужить сам М. В. Ломоносов. В Славяно-греко-латинской академии Ломоносов приобрел прекрасные знания латыни, которые он в дальнейшем совершенствовал посредством переводческой деятельности. Во время своего четырехлетнего пребывания в Германии Ломоносов освоил немецкий язык. Одновременно он также изучал и французский [Макеева 1961: 24-25].

Существующее к началу XVIII века многоязычие в стране осложнялось

еще отсутствием единого русского литературного языка. Большое значение в тот период времени имел церковнославянский язык. Он служил как средством выражения мысли для писателей, так и инструментом в руках ученых [Лавровский 2012: 94]. Таким образом, к концу первой четверти XVIII века характерной чертой русского языка являлась его неоднородность. Он состоял из простонародного языка, который был средством устного общения, и церковнославянского, который являл собой основу письменной речи. Двойственность языка создала ощущение, что «разговаривать надо по-русски, а писать по-словенски» [Макеева 1961: 6-7]. За отсутствием развитой терминологической базы о языке науке как таковом речи быть не могло.

В таком неоднозначном для русской науки положении стоит упомянуть В. Е. Адодурова (1709 – 1780), который во многом подготовил почву для деятельности великого ученого М. В. Ломоносова. В какой-то степени его можно сравнить с Христианом Томазием в Германии. С его именем связано начало чтения лекций на русском языке в Московском университете, что имело большое значение для становления русского языка как языка науки [Волков 2014: 27]. Кроме того, немалый вклад он сделал в развитие грамматической концепции в России. В 1738 – 1740 г.г. Адодуров создает первую грамматику русского языка на русском языке, что было новшеством для того времени, так как большинство учебных пособий издавалось на латыни, немецком или французском языках. Это произошло за 15 лет до появления «Российской грамматики» Ломоносова [Волков 2014: 20]. Хотя рукопись данной грамматики не дошла до наших дней, но мы можем расценивать это как первую попытку провести систематизацию русского языка.

Результаты этой систематизации мы можем увидеть в сочинении Адодурова «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache». Из названия понятно, что учебное пособие было выполнено на немецком языке, что объясняется, во-первых, тем, что книга была предназначена для изучения русского языка иностранцами, и во-вторых, культурно-языковой особенностью России того

времени, когда рабочим языком науки считался немецкий язык [Филиппов, Волков, Карева 2014: 12]. Ссылаясь на В. Н. Макееву, Н. В. Карева отмечает, что Ломоносов хорошо знал тексты грамматики Адодурова и обращался к ним при работе над «Российской грамматикой» [Карева 2014: 36].

К середине XVIII века перед российской наукой стояла задача в кодификации русского языка, решение которой взял на себя не кто иной, как М. В. Ломоносов. «Ломоносов хорошо понимал назревшие потребности в национальном литературном языке. Это привело его к убеждению о необходимости создать грамматику русского языка» [Макеева 1961: 36]. Идея создания единой русской грамматики подкреплялась также его живым интересом к языку: теоретическое изучение русского языка (работа над грамматикой началась сразу же после выпуска его «Риторики») дополнялось непосредственным общением Ломоносова с его носителями. Об этом свидетельствует тот факт, что база примеров, используемых в «Российской грамматике», основывается на устной народной речи [Там же: 38]. Полностью абстрагироваться от церковнославянского языка Ломоносов, однако, не мог. Так как его грамматика была в своем роде первой попыткой полной классификации русского языка, он должен был полагаться на некие устоявшиеся положения. Так русский язык он рассматривал, обращаясь к латинской и церковнославянской традиции. В то время как само построение грамматики приближалось к немецким грамматикам того времени [Дюбо 2013: 265].

Таким образом, «Российская грамматика» стала достижением русской науки и во многом определила ее развитие. Во-первых, данная грамматика впервые наиболее полно и комплексно представила систему русского языка, тем самым создав базу для становления единого национального языка в России. Вместе с тем данный труд положил начало для создания научной литературы на русском языке, что сыграло немаловажную роль для обособления русского научного дискурса как самостоятельного единства.

Выводы к главе 1

Для того, чтобы провести анализ материала на предмет его метаязыковых особенностей, мы определили понятие метаязыка и его содержание. Рассмотрев взгляды отечественных и зарубежных лингвистов на понимание сущности метаязыка, мы составили собственную классификацию метаязыковых компонентов. К ним относятся лингвистические термины, которые являются основной единицей метаязыка, общенаучная лексика, участвующая в организации метаязыковой структуры текста, метатекстовые высказывания, определяющие модальность текста и представляющие собой средство коммуникации автора с читателем, а также графический метаязык, к которому относятся нелингвистические средства описания языка: таблицы, схемы и др.

Чтобы определить закономерности использования тех или иных метаязыковых единиц, нужно также понимать культурный и исторический контекст, в рамках которого появился материал. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова относит нас в первую очередь к эпохе Просвещения, которая обуславливается становлением научного дискурса как в России, так и в Германии. Для русской науки того времени характерно формирование грамматической концепции, первые попытки осмыслиения строя русского языка и изменение его статуса в среде научной коммуникации.

Рассмотрение немецкой научной традиции важно, во-первых, потому что она повлияло на становление Ломоносова как ученого, и во-вторых, потому что характерной чертой XVIII века является русско-немецкий диалог в академической сфере. В эпоху Просвещения в Германии были определены основные черты научного стиля, было положено начало немецкой грамматической традиции, на становление которой повлияли, прежде всего, И.К. Готшед и И.К. Аделунг. Кроме того, эта эпоха ознаменована переосмыслинием роли немецкого языка в научной коммуникации, что повлекло за собой отказ от использования латыни. Все эти факторы следует учесть при анализе материала исследования.

Глава 2

2.1. Общие закономерности метаязыка «Российской грамматики» М. В. Ломоносова

В процессе работы над «Российской грамматикой» Ломоносовставил в качестве своей цели не только провести полную систематизацию знаний о русском языке, но также и заложить основы русского языка науки, тем самым расширив функции национального языка. Однако, как уже было замечено в предыдущей главе, метаязык «Российской грамматики» нельзя рассматривать, оставляя без внимания влияние европейской, в частности немецкой, и латинской грамматических традиций. Немаловажную роль в формировании, как оригинала грамматики, так и ее перевода на немецкий язык, сыграла грамматика Готшеда *«Grundlegung einer deutschen Sprachkunst»*.

Готшедовская грамматика повлияла на формирование структуры и на выбор наименований частей грамматики. Относительно последовательности представления информации, Ломоносов следует немецкому образцу, который в свою очередь основывается на латинской грамматической традиции [Филиппов, Волков 2014: 25-27]. «Российская грамматика» Ломоносова состоит из шести наставлений. Первое наставление служит введением и посвящено общим вопросам грамматики, и грамматике русского языка в частности. Последующие наставления представляют собой основные разделы грамматики: графику, орфографию, орфоэпию, морфологию, синтаксис. Грамматика Готшеда также начинается с введения, в котором автор рассуждает о сущности языка. За ним следуют разделы об орфографии, морфологии, синтаксисе и просодике. Грамматика имеет многоярусную систему разделения. Наставления, как наиболее обширная единица этого деления, состоит из глав и параграфов. В переводе изначальная структура грамматики сохраняется, но при этом меняются сами обозначения. Так наименования разделов в немецком переводе становятся более сухими и нейтральными («*Abschnitt*»). При этом в переводе теряется коммуникативная

задача данного наименования, которая четко прослеживается во внутренней форме слова «наставление». Наименование «наставление», образованное от глагола «наставлять» несет в себе дидактическую направленность, что располагается в русле идей эпохи Просвещения. Значение данного понятия в словаре русского языка XVIII века определяется через следующий синонимический ряд: «назидание», «нравоучение», «рекомендация», «инструкция» [Словарь русского языка XVIII века 1984]. Функция немецкого соответствия «Abschnitt» ограничивается структурированием текста. Заявленные в «Российской грамматике» главы в немецком переводе обозначаются как «Hauptstück». Такое же обозначение мы находим и в грамматике Готшеда.

Наименования каждого из разделов грамматики не несет в себе новизны для научного дискурса, так как подобные названия мы можем встретить уже в трудах римских философов (почти все диалоги Платона имели названия, построенные по подобной схеме, например «Горгий, или о Риторике»). У Ломоносова мы можем прочесть наставление «о имени», в котором представлены главы «о родах имени», «о склонениях» и так далее. В немецком подобная схема сохраняется, так как она была частью грамматической традиции в Германии того времени: «Von den Nennwörtern», «Von den Geschlechten der Nennwörtern», «Von den Abänderungen».

При рассмотрении общей метаязыковой структуры сочинения, можно заметить ряд закономерностей. В первую очередь, следует обратить внимание на название грамматики. В названии «Российская грамматика» можно выделить две особенности. Первая особенность заключается в том, что Ломоносов для обозначения языковой соотнесенности выбирает прилагательное «российский», использование которого можно проследить на протяжении всей грамматики («российский язык», «российская грамматика», «российское правописание», «российская грамота», «российская азбука»). В современном русском языке данное понятие сузило свое значение до следующего «относящийся к россиянам, к русским, а также к России, её

территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у россиян, как у русских, как в России» [Ожегов, Шведова 2006: 684].

Интерпретация данного определения у Ломоносова намного шире, чем в современном языке. Однако мы не можем обозначить такое словоупотребление как особенность метаязыка самого Ломоносова. Использование этого определения обусловлено его временной характеристикой. Изначально в языке существовал корень *rus* (Русь, Русская земля), который в XVI веке был вытеснен корнем *ros*, который берет свое начало в византийской традиции. В эпоху Ломоносова понятия *Rossia*, *rossийский* были частью «высокого штиля», о чем свидетельствуют труды самого Ломоносова. И только начиная с произведений Н.М. Карамзина, в язык снова возвращается определение *русский* [Словарь трудностей, Бельчиков, Ражева]. То есть язык «Российской грамматики», согласно учению Ломоносова о трех стилях, мы можем соотнести «с высоким штилем». Если же мы рассмотрим перевод определения «российский», то во всех случаях используется нейтральный «russisch», которое в немецком языке совмещает в себе два оттенка значения, выраженные в русском двумя разными лексемами («Russische Sprache», «Russische Grammatik», «Rußische Schreibart»). Несомненно, при переводе теряется стилистическая составляющая, немецкий вариант является нейтральным по отношению к оригиналу. Однако то, что было выпущено в процессе перевода, возмещается за счет графических средств: как в русском, так и в немецком тексте, определение пишется с заглавной буквы, что можно обозначить как смысловое выделение автора.

Вторая особенность заглавия, на которую хотелось бы обратить внимание, заключается в соотношении использования термина «грамматика – Grammatik» в русском и немецком текстах. Рассматривая русский вариант грамматики, мы можем утверждать о том, что в русской терминологии 18 века установился термин «грамматика». Об этом свидетельствует последовательное употребление понятия «грамматика» в тексте. Этому факту мы можем найти следующие доказательства из текста: «Российская

грамматика» как название всего сочинения, использование слова как основу для дальнейшего словообразования (однокоренные слова типа «грамматические примеры»), многочисленные примеры использования термина «грамматика» в тексте. Кроме того, понятие «грамматика» закрепилось в языке той эпохи, так как мы находим его определение в словаре русского языка XVIII века. Оно имело три значения: наука о языке; книга, учебник, содержащий правила этой науки; первая ступень обучения в некоторых училищах [Словарь русского языка XVIII века 1984].

В немецком переводе можно заметить еще одну интересную закономерность. Слово «Grammatik» встречается только один раз, а именно в переводе названия на титульной странице («Russische Grammatick»). Вероятнее всего, при переводе названия, заявленного на титульном листе, был подобран полный эквивалент для достижения наибольшей схожести. В остальных случаях выбор термина в переводе соотносится с немецкой традицией XVIII века. Хотя самое понятие грамматики сформировалось уже давно и относит нас к семи свободным искусствам, в немецком языке термин грамматика сформировался несколько позже. В период Просвещения при обозначении грамматики большое внимание уделяется соотношению ее с языком. Так грамматика И.К. Готшеда называлась «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», то есть грамматика представлена как искусство. И.К. Аделунг, как в названии «Deutsche Sprachlehre für Schulen», так и в названии своего основного труда «Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache», делает акцент на том, что грамматика это система знаний, связанная с языком (Sprachlehre, Lehrgebäude der deutschen Sprache). Однако единого варианта обозначения мы не находим. В переводе «Российской грамматики» за основной эквивалент перевода берется понятие «Sprachlehre», в чем мы видим следование немецкой традиции. Также встречаются варианты с компонентов *-kunst*. Однако в некоторых случаях возникает некоторые противоречия. С этой точки зрения интересен пример, взятый из конца первого наставления:

- (1) Здесь при вступлении в Российскую Грамматику больше общего понятия о человеческом слове не требуется [Л.: 40].
- (2) Zu einer Einleitung in diese Russische Sprachlehre, werden nicht mehr, als allgemeine Begriffe der Sprache erforderlich [L.: 46].

В данном контексте понятие «Российская грамматика» используется как обозначение данного сочинения, и было бы логичным использовать вариант, который был выбран изначально для перевода. Однако Л. Страфенгаген выбирает традиционное для научного дискурса Германии того времени «Sprachlehre», что, с одной стороны, мы можем расценивать как непоследовательность в выборе эквивалентов, с другой стороны, перевод ориентирован на устоявшиеся в Германии образцы грамматик. Это важно для восприятия текста читателем, так как перевод на другой язык предполагает также смену реципиента.

«Российская грамматика» была задумана как учебное пособие для носителей языка. Перевод на немецкий язык ориентирован уже на немецкоговорящую аудиторию, следовательно, служит пособием для изучения русского как иностранного. Также при прочтении приведенного выше фрагмента текста далее мы можем снова заметить определенную нелогичность. По окончании наставления Ломоносов дает обобщающее определение понятия «грамматика», которое в переводе передается с помощью лексемы «Sprachkunst», употребление которой мы встречаем у Готшеда. Таким образом, в отношении использования данного термина в русском и немецком текстах наблюдается асимметрия: в то время, как в русском варианте сочинения Ломоносов последовательно использует один и тот же термин, в переводе на немецкий язык вводится несколько вариантов для обозначения одного и того же понятия.

В качестве следующей метаязыковой особенности текста оригинала можно отметить частое употребление словосочетания «человеческое слово». Данное выражение также характеризует текст с точки зрения словоупотребления как текст XVIII века. Если сравнить изменение семантики

лексемы «слово», то можно отметить следующую тенденцию. Первое значение «слова» в современном понимании является «единицей языка, служащей для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок» [Ожегов, Шведова 2006: 730]. То есть слово является компонентом более общего понятия языка. И только во втором значении, слово понимается как речь, способность говорить, но при этом не является синонимом «языку». Если же рассмотреть семантику данного понятия во временном срезе XVIII века, то первым значением, согласно толковому словарю В.И. Даля, будет именно способность выражать мысли, словесная речь [Даль 1882: 227]. И только во втором значении слово выступало как отдельная лексема системы языка. В данном случае можно говорить о сужении значения слова.

Если рассматривать перевод данной лексемы на немецкий, то в большинстве случаев используется эквивалент «Sprache». Как и в случае с соотношением понятий «российский – russisch», немецкий вариант воспринимается по-другому. Немецкий текст кажется более современным по отношению к оригиналу, что связано с представленными выше семантическими изменениями, произошедшими в лексеме «слово». Однако в языке эпохи Просвещения «слово» и «Sprache» можно считать синонимами, даже если они прекратили быть таковыми при современном синхроническом рассмотрении. Данное синонимическое соответствие сохраняется не везде. В зависимости от контекста наблюдаются некоторые отклонения в переводе на немецкий язык.

Вторая глава первого наставления носит название «О выговоре и неразделимых частях человеческого слова». В этом случае немецкий перевод приобретает следующий вид: «Von der Aussprache und von der unzertrennlichen Teilen der Wörter». Использованный в переводе эквивалент «Wort – Wörter» указывает нам на то, что и в русском варианте Ломоносов использует «слово» в непривычном для того времени значении, а именно в качестве единицы языка. Это обуславливается тем, что речь в данной главе действительно

пойдет о частях слова в современном его понимании, а именно о буквах и слогах. Уже в четвертой главе, которая называется «О знаменательных частях человеческого слова», анализируемое словосочетание «человеческое слово» переводится как «Teile der Rede» («Von den bedeutenden Teilen der Rede, orationis Partes significatiuae»). Подобный выбор лексем при переводе также можно объяснить содержанием главы: четвертая глава посвящена частям слова как единицам речи, в современной терминологии – о частях речи. В немецком тексте в последнем примере мы видим свойственный для научного дискурса того времени калькированный перевод латинской терминологии. Кроме того, данный термин приближается по форме к его современному варианту. Что касается русского текста, то повторное использование одного и того же терминологического выражения приводит к многозначности термина, что противоречит основным свойствам термина, и нарушает восприятие текста.

Как уже было упомянуто выше, заглавия второй и третьей глав наглядно показывают случай, когда «слово» также употреблялось и в более узком значении, но гораздо реже. Вместо него в русском существовало другое обозначение лексической единицы языка, а именно «речение». Данное понятие в течение XVIII – XIX веков служило обозначением для «слова, изречения, выражения» [Даль 1882: 95]. В словарной статье, посвященной «слову», Даль дает лексему «речение» как синоним для описания «слова» во втором его значении. То есть на семантическом уровне мы имеем дело с неполными синонимами. Однако понятие «речение» не сложилось как полноценный термин в русском языке, так как нет четкой границы между понятиями слова и выражения. Это является показателем неустоявшейся терминологической системы в русском языке в целом. В тексте Ломоносова употребление данной лексемы ограничено его основным значением, что отражается также в переводе. На немецком языке эквивалентом речению служит понятие «Wort», которое последовательно используется при переводе.

Также целесообразно обратить внимание на обозначение языков, в

номинации которых также можно усмотреть свои особенности. В «Российской грамматике» главным объектом описания, несомненно, является русский язык. Однако М. В. Ломоносов по мере написания той или иной главы обращается к сопоставлениям явлений в русском языке с явлениями других языков, или даже целых языковых групп. Ранее мы уже обращали внимание, что метаязык Ломоносова характеризуется частым употреблением понятия «слово» для обозначения языка в целом. Об этом свидетельствует также использование атрибута «человеческое», которое имеет функцию генерализации. Кроме того, Ломоносов использует «слово» применительно к конкретному языку, а именно к языку русскому. Но и в данном случае мы можем усмотреть определенную нелогичность в использовании обозначения языка, так как Ломоносов также использует и понятие «язык».

В качестве примера явления использования разных наименований для обозначения одного понятия приведем следующий отрывок из текста грамматики:

(3)Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке [Л.:7].

С одной стороны, использование разных терминов для обозначения одного понятия в данном контексте можно объяснить желанием избежать повторения. Но с другой стороны, подобная непоследовательность прослеживается на протяжении всего текста. В переводе на немецкий язык наоборот прослеживается единообразие. Как эквивалент к понятиям «слово» и «язык» используется «Sprache». Часто в тексте Ломоносов упоминает так называемый славянский язык. К вопросу употребления данного лингвонима, или этнонима обращается в своих работах С.С. Волков. Под ним следует понимать «устный язык мезаэтнических групп», другими словами данное понятие представляет собой наречие [Филиппов, Волков 2014: 14-15].

(4) В Славенском языке двойственное число его ли есть свойственно, или с Греческого насильно введенное, о том еще исследовать должно» [Л.: 29-30].

(5) Ob aber der Numerus dualis der Slavonischen Sprache eigen ist, oder aus der Griechischen angenommen worden, muß noch erst untersucht werden [Л.: 30].

В немецком языке, как мы уже отметили, переводчик использует или общее понятие «Sprache», или субстантивированное прилагательное, что было проиллюстрировано примером. Однако для введения в текст грамматики обозначения того или иного языка М. В. Ломоносов не ограничивается прямым обозначением языка, а использует различные приемы. Один из способов обозначения языка заключается в использовании метонимии. Язык называется посредством обозначения носителей этого языка. Этот прием, к которому прибегает Ломоносов, удается сохранить и в переводе:

(6) Греки довольствуются пятью, употребляя Дательный купно Творительным [Л.:31].

(7) ...die Griechen haben nur 5 und gebrauchen ihren datium auch anstatt des Ablatiui (Nehmefalls) [Л.:31].

Разнообразие также наблюдается при использовании гиперонимического обозначения какого-либо другого языка, противопоставленного родному языку. В русском для этого используются такие определения как «иностранный», «чужестранный», «оный», которые придают научному тексту лексическое разнообразие. Немецкий текст характеризуется скорее нейтральностью в выборе лексического оформления, выбор атрибутов ограничивается такими прилагательными как «ausländisch» или «fremd».

2.2. Лингвистическая терминология «Российской грамматики» М.В. Ломоносова

Как уже было отмечено в предыдущем разделе, терминология «Российской грамматике» как в оригинале, так и в переводе обладает своими особенностями. В первую очередь терминология может быть определена не только как лингвистическая, но и грамматическая, так как мы имеем дело с грамматическим текстом. Так как именно в эпоху Просвещения начинаются закладываться основы научной коммуникации, как в России, так и в Германии, это имело свое отражение на использовании терминологии. В частности, некоторая часть терминов представляет собой основу современной системы терминов, которые утвердились в русском научном дискурсе. Другая группа терминов была переосмыслена в современной лингвистике и заменена другими понятиями, поэтому мы обозначим их устаревшими.

Обратимся к основным грамматическим понятиям, а именно к обозначениям частей речи. Ломоносов выделяет восемь частей речи, среди которых имя, которое включает в себя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие. Однако наименования частей речи, или знаменательных частей слова, максимально приближены к современным их обозначениям. Важно отметить, что данные термины представляют собой исконно русские обозначения, что говорит нам о формировании русской терминологической системы. Хотя, несомненно, при более внимательном рассмотрении внутренней формы некоторых понятий, мы можем найти в них влияние латинской традиции (например, обозначение местоимения состоит из двух смысловых компонентов *место имени*, что является калькой от латинского термина *pronomen*).

Если рассмотреть терминологию немецкого текста, то мы можем заметить следующую тенденцию. Преобладающее количество терминов грамматики представлены как на немецком, так и на латинском языках. При

этом не всегда ясно, какой из введенных терминов расценивается автором перевода как основной. Например, обозначения частей речи в содержании даны на немецком языке: *Nennwörter*, *Zeitwörter*, *Fürwörter*, *Mittelwörter*, *Nebenwörter*, *Vorwörter*, *Bindewörter*, *Zwischenwörter*. В данной терминологической структуре прослеживается мотивированная внутренняя форма, термин представляет собой композит, состоящий из основного компонента *-wort* и определяющего компонента, который указывает на функцию той или иной части речи (*Bindewort* – слово, которое связывает – союз). В процессе автором вводятся также их латинские эквиваленты, например *Substantiis*, *Adjectiis*. Однако немецкие варианты термина были приняты в данном переводе как основной вариант.

По-другому дело обстоит с обозначением падежей. Уже при введении их в парадигму текста, автор ставит как основной вариант латинский, а в качестве дополнения приводит немецкое слово: *Nominatius*, *Nennfall*; *Genitius*, *Zeugefall*; *Datius*, *Gebefall*; *Accusatius*, *Klagefall*; *Vocatius*, *Ruffall*; *Instrumentalis*, *Thuefall*. В данном случае, немецкий вариант термина, служит скорее пояснением латинскому варианту, так как его наименование служит одновременно и пояснением основной функции того или иного падежа. Далее в тексте переводчик придерживается латинской терминологии в отношении падежей:

(8) *Nennwörter sowohl männlichen, als auch weiblichen Geschlechts, die sich auf a enden, verändern das a im Genit. Sing. in ы oder и, im Dat. in ъ, im Accus. in у, im Instr. in ою oder ой, und im Praep. in. ъ* [L.: 89]

Данный пример иллюстрирует, каким образом в немецкий текст вплетались латинские вставки. Кроме того, здесь можно увидеть также непоследовательность самого Ломоносова, который в первом наставлении представляет систему падежей, которая состоит из 6 компонентов: именительного, родительного, дательного, винительного, звательного и творительного. Но уже в 3 наставлении, предметом рассмотрения которого становится имя как часть речи, при описании системы склонения

существительных Ломоносов вводит еще и предложный падеж, который не был заявлен в изначальной классификации.

Особо следует обратить внимание на заимствование латинских терминов в систему немецкого языка, что выступает как отличительная черта немецкого дискурса XVIII века. На примере перевода «Российской грамматики» мы можем наблюдать переходный этап данного процесса. С одной стороны, термины латинского происхождения имеют латинское написание и склоняются по парадигме латинских имен существительных.

(9) Die Praepositiones werden zur Bedeutung der Umstände, die entweder zu den Sachen selbst, oder ihren Veränderungen gehören, den Nominibus und Verbis teils abgesondert vorgestellt, als bei der Sache, teils mit denselben in eines zusammengezogen, als hergebracht...[L.: 20-21].

Данный пример показывает, что латинские слова изменяются по числам и падежам по латинской парадигме (Nominibus, Verbis). С другой стороны, мы можем заметить черты, которые отражают постепенный переход латинских слов в немецкий язык. Во-первых, имена существительные получают артикли, что является характерной особенностью немецких существительных. Во-вторых, существительные пишутся с заглавной буквы, что также приближает их к орфографической системе немецкого языка. И в-третьих, латинские слова начинают использоваться для дальнейшего словообразования в рамках уже немецкого языка. Примером может послужить глагол *decliniren* (современный *deklinieren*). Данный глагол, не считая графическую сторону, можно считать почти вошедшим в лексикон немецкого, так как он встраивается в структуру текста с использованием уже окончаний немецкого спряжения:

(10) Die sich auf ein e enden, werden ebenso wie die auf ein o declinirt...[L.: 102].

Использование данного глагола в тексте можно обозначить как непоследовательное, в отличие от оригинального текста. В русском используется принятый эквивалент «склоняться». В немецком языке мы

напротив наблюдаем употребление различных описательных соответствий данному глаголу («enden sich auf etwas», «werden abgeändert»).

Если выбор терминологии в немецком тексте обусловлен латинским влиянием, то в выборе терминов Ломоносовым можно проследить некоторую связь с немецкими терминами, что можно объяснить тем, что примером для созданий «Российской грамматики» послужили немецкие грамматики, в том числе грамматика Готшеда. В первом наставлении Ломоносов вводит понятия гласных и согласных.

(11) Первые отмены действительно голосу сопрягаются, и начертания или буквы, их изображающие, по справедливости гласными называются. Второго рода отмены прилично согласными именованы [Л.: 15].

(12) Die ersten Veränderungen sind schon wirklich in der Stimme vorhanden, und die Buchstaben, womit dieselben vorgestellet werden, nennet man mit Recht Lautbuchstaben oder Selbstlaute, Vocalen; die Veränderungen der anderen Art aber erhalten billig die Benennung der Mitlauter, Consonanten.

В данном примере мы можем отметить, что термины, введенные Ломоносовым, соответствуют их современным вариантам. В переводе, как и в предыдущих рассмотренных примерах, приведено несколько вариантов одного понятия, в том числе латинские термины, которые, как мы знаем, станут основной для создания современной терминологической системы. Нас будет, однако, интересовать термин «Selbstlaut», который впоследствии выбран Л. Стaфенгaгеном в качестве основного и который мы также находим в грамматике Готшеда. При дальнейшем прочтении русского текста, который в свою очередь отличался последовательным использование введенного термина, появляется, однако, новое понятие, а именно «самогласный». Внутренняя форма этого понятия, предположительно, представляет собой кальку немецкого термина *sam/selbst* и *гласный/Laut*.

Также в русском тексте хотелось бы отметить еще одно понятие, которое часто встречается в тексте – «отмены». В языке XVIII века одно из значений данного понятия было «изменение, перемена, смена» [Словарь

русского языка XVIII века 1984, URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>]. Данное слово также характеризует язык русского варианта текста как более архаичный, чем его немецкий перевод. Архаичны также и некоторые из встречающихся в тексте терминов, которые в современной лингвистике были заменены другими понятиями. Рассмотрим, например, термин «выговор». В языке XVIII века его значение совпадало с современным понятием «произношение» [Словарь русского языка XVIII века 1984]. Вследствие того, что слово претерпело некоторые семантические изменения, в современном языке оно потеряло свой терминологический характер и имеет значение или «качество, характер произношения» или «строгое словесное внушение» [Ожегов, Шведова 2006: 110]. За счет использования подобного рода терминов текст «Российской грамматики» приобретает некоторые трудности в восприятии для современного читателя. В немецком же переводе подобран такой эквивалент, который используется в том же самом значении в сфере лингвистике и в наше время: «Aussprache».

2.3. Общенаучная лексика как средство оформления метаязыковой структуры «Российской грамматики» М.В. Ломоносова

Задача настоящего раздела заключается в рассмотрении общих закономерностей построения научного текста. Как уже было отмечено ранее, основу научного текста составляют термины, которые являются главным средством передачи научного знания. Однако оформление терминов в рамках текста происходит посредством использования определенных лексических и грамматических средств, которые формируют структуру научного текста и научный стиль в целом. При анализе научного текста необходимо обратить внимание на общенаучную лексику, как характерную черту языка любой научной работы, а также на такие грамматические категории, как залог, персональность, модальность.

Несомненно, термины считаются смысловым центром любого научного текста, однако введение термина в парадигму текста является только одним

из способов использования терминологии. В рамках данной работы мы рассмотрим также языковое оформление случаев введения примеров, классификаций, исключений из общих правил, значений слов, а также закономерности передачи конструкций с русского на немецкий язык.

В связи с тем, что мы имеем дело с пособием по изучению языка, то для лучшего понимания излагаемой информации в тексте грамматики присутствует иллюстративный материал в виде примеров. Сами примеры являются частью языка-объекта и используются для пояснения метаязыковых данных о языке. Однако интересным является то, каким образом вкрапления языка-объекта вводятся в общую метаязыковую парадигму. Самым распространенным способом можно считать использование вводного слова «например».

(13) Все согласные мягкие буквы и плавные <...> выговариваются твердо:

то есть Б как П, В как Ф, Г как К или Х, Д как Т, Ж как Ш, З как С, например: *Обсыпаю, дуб, добр, справка, овца, здоров, ногти, друг, Бог, надпись, плодь, муж, книжка, низко, звезды* Выговаривают: *спрафка, офца здоровф, нохти, друк, Бох, нтатпись, плоть, муш, кника, ниско, звезды* [Л.: 47].

(14) Alle weiche Mitlauter und die Halblauter <...> werden hart ausgesprochen; und zwar das б wie п, das в wie ф, г wie к oder х, д wie т, ж wie ш, з wie с, als; обсыпаю, дуб, добр, справка, овца, здоровово, ногти, друг бог, надпись плод, муж, книжка, низко звезд, lautet wie opsypaju, dup, dopr, sprafka, ofza, sdorof, nochti, druk, Boch, natpiss, plot, musch, knischka, nissko, swesd [L.: 60].

Данный пример показывает тенденцию выделения «например» в русском словоупотреблении как вводного слова. Об этом свидетельствует графическое выделение запятой с одной стороны и двоеточием с другой стороны. Двоеточие является также показателем того, что данное вводное слово открывает собой самостоятельную распространенную конструкцию, выполняющую функцию примера. Об этом также свидетельствует написание

следующего после него слова с заглавной буквы, вследствие чего пример обретает статус отдельного предложения. Подобная расстановка знаков препинания при вводном слове была характерна для текста всей «Российской грамматики» и не является единичным случаем. В немецком тексте в качестве эквивалента используется союз «als», который является наиболее частым вариантом введения примера в переводе. Вводное словосочетание «zum Beispiel» и его варианты достаточно редко встречается в тексте грамматики, хотя, например, для грамматики Готшеда было характерно использование выражения «zum Example», которое является ассимиляцией латинского слова в немецкое выражение. В переводе «Российской грамматики» мы не находим подобного примера.

Далее примеры также вводятся с помощью союза «как». Если «например» используется для введения примера как законченного смыслового целого, то союз «как» служит для того, чтобы внести в общую структуру текста отдельные слова или словосочетания.

(15)Прилагательные, от материй происходящие, ни рассудительного, ни превосходного степени не имеют, как: *Золотой, дубовой*; нельзя сказать, *золотее, дубовее* [Л.: 93-94].

(16)Beiwörter, deren Bedeutung einer Materie eigen ist, haben keine Vergleichungsstufen; als, золотой, golden, дубовой и von eichen: man kann nicht sagen золотее goldener, дубовее eichener [L.: 145]

По большей своей части эквивалентом в немецком языке служит союз «als». При этом интересно проследить соотношение использования союзов «als» и «wie» в тексте переводе. В результате сопоставления двух текстов было выявлено, что первый вариант является наиболее частотный, когда как союз «wie» встречается довольно редко. На основании данного примера мы можем также обратить внимание на непостоянство в расстановке знаков препинания. Так в русском варианте мы отмечаем двоеточие как отличительную черту введения примеров (см. пример 13), которое разграничивает метаязык и язык-объект между собой. Эту задачу также

выполняет и шрифт. Все примеры в русском тексте выделены курсивом, и первое слово пишется с заглавной буквы. Подобного единства мы не можем наблюдать в немецком тексте. Автор не может выбрать единую стратегию постановки запятых. Как в примере 14, так и в примере 16 мы наблюдаем использование запятой, а также точки с запятой, что указывает на отсутствие систематичности в постановке знаков препинания. Очень важно отметить, что в немецком тексте все русскоязычные примеры представлены либо с переводом на немецкий язык, либо с транскрипцией, которая облегчает восприятие иностранного текста. Данную особенность мы можем обозначить как адаптацию текста для немецкоговорящего реципиента.

Кроме того, необходимо отметить сопоставительный характер «Российской грамматики» в целом. При описании строя русского языка Ломоносов прибегает также к примерам из других языков. Так при прочтении грамматики мы можем найти примеры из немецкого языка:

(17) Е в *един* произносится как у немцев је в jeder; Ю в *юношество*, как ји в Jugend; Я в *яблоко*, как ja в Jahr; и имеют силу совершенных двоегласных [Л.:44].

(18) Das e in *един*, *jedin*, wird ausgesprochen, wie das je in *jemand*, das ю in *юность*, *junost*, wie ju in *Jugend*, я in *яблоко*, *jabloko*, wie ja in *Jahr*, haben also auch die *völlige Kraft der Doppellaute* [L.: 55].

При этом у переводчика не возникает необходимости дополнительных переводческих изменений в пользу читателя.

Интересны также случаи введения примеров с использованием глагольных форм. Среди глагольных форм употребительны, во-первых, формы императива, во-вторых, формы 3 лица, множественного числа настоящего времени, которую мы также можем обозначить как неопределенno-личные конструкции, так как подобные формы представлены без формального подлежащего. Использование императивных форм мы можем наблюдать как в русском, так и в немецком тексте. Кроме того, их употребление обусловлено во многом предметом, который рассматривается в

тексте.

(19) В умалительных на *ек*: *куль*, *кулек*, *якорь* *якорек*, Говори, *кулюк*, *якорюк* [Л.:46].

(20) Die Verkleinerungswörter, die sich auf enden, verändern das letzte e auch in ю als; *куль*, *кулек*; *якорь*, *якорек*; lese und sprich *кулюк*, *якорюк*, *kuliok*, *jakoriok*.

Подобные императивные конструкции не только являются сигналом для последующего примера, но также и определяют действия читателя, они являются в некоторой степени инструкцией для восприятия последующего текста.

В отличие от императивных высказываний неопределенно-личные высказывания характерны скорее для русского текста, так как отличительной чертой немецкого предложения в первую очередь считается двусоставность. Поэтому такие конструкции, как «говорят» или «произносят» передаются в немецком или с помощью форм императива «sprich», или посредством изменения действующего лица предложения «lautet wie», вследствие чего немецкое предложение обретает подлежащее.

Одним из способов представления материала в структурированной форме является его классификация. Самый распространенный способ последовательно представить части одного целого – это создать определенную последовательность элементов классификации посредством числительных. При этом Ломоносов выбирает различные пути представления материала. Во-первых, информация перечисляется с помощью использования порядковых числительных «первые отмены», «второго рода отмены». При сопоставлении с немецким текстом мы не найдем явных отклонений, так при переводе также используются числительные: «die ersten Veränderungen», «die Veränderungen der anderen Art». На примере этих словосочетаний мы можем отметить еще одну черту немецкого языка: местоимение «anderer» выступает с семантикой числительного «второй». Во-вторых, Ломоносов прибегает к помощи нелингвистических средств, а именно к нумерации, с помощью

которой разделение становится более наглядным. В-третьих, отдельную группу, которая маркирует на лексическом уровне классификацию, образуют так называемые перформативные глаголы с семантикой разделения.

Среди глаголов в русском и их соответствий в немецком текстах можно найти некоторые особенности. Для иллюстрации использования подобных глаголов можно обратиться к третьему наставлению, которое посвящено имени, а именно к описанию системы склонений. В большинстве своем используются характерные для строя русского языка активные конструкции, например «второе склонение заключает в себе...», «третье склонение составляют имена...», «четвертое склонение состоит из...». В переводе Л. Стaфенгaген ориентируется не на грамматическую традицию, к которой относится использование пассивных форм, а скорее на семантику использованных в русском лексем. Поэтому в переводе мы находим такие варианты перформативных глаголов: «die zweite Declination enthält...», «Zu der dritten Declination gehören die Nennwörter...», «die vierte Declination besteht aus...». В рамках другого наставления мы можем найти подобное следование активным формам глаголов:

- (21)Разделяются Российские буквы на самогласные, согласные и безгласные [Л.:43].
- (22)Die Rußischen Buchstaben teilen sich ein in Selbstlaute, Mitlauter und in Buchstaben ohne Laut [Л.: 52].

В русском тексте используется возвратный глагол, который в немецком языке мог быть заменен более привычной для строя языка формой в пассивном залоге. Однако в переводе мы видим калькирование русского варианта, переводчик делает выбор в пользу рефлексивного глагола, который являются соответствием возвратному глаголу в русском языке. С точки зрения грамматики можно заметить, что отделяемая приставка не выносится на конец предложения, а ставится перед введением компонентов классификации, вследствие чего они оказываются в конце предложения в позиции ремы. Такой прием мы можем обозначить как смысловое выделение

информации. Кроме того, при приведении частей целого Ломоносов использует нехарактерную для современного языка связку «суть», которая является вариантом глагола «быть» и используется независимо от форм лица или числа [Словарь русского языка XVIII века 1984].

(23)Имена первого склонения на А и Я суть рода Мужского и Женского [Л.: 64].

(24)Die Nennwörter der ersten Declination auf a und я sind männlichen und weiblichen Geschlechts [L.: 88].

При сопоставлении использования глагола-связки мы можем заметить некоторое соответствие структур в русском и немецком языках. Наличие данной связки в немецком обусловлено строем языка, когда как в русском языке мы можем охарактеризовать использование глагола-связки скорее как устаревшее явление.

Говоря о перформативных глаголах, можно обратить внимание также на такой глагол как «переменяться», который подтверждает тенденцию следования переводного текста в выборе эквивалентных конструкций за оригиналом. Данный глагол используется при описании парадигмы изменений имен существительных по падежам. Русский текст отличается последовательным использованием варианта глагола «переменять», который в период написания «Российской грамматики» считался грамматическим термином. Существовали понятия «изменяемая или переменяемая часть речи» [Словарь русского языка XVIII века 1984]. С одной стороны, текст отличается последовательным использованием русской терминологии. Но с другой стороны, данный термин, по сравнению даже с параллельно существовавшим термином «изменяемые части речи», можно охарактеризовать как устаревший.

Отличительная черта немецкого текста заключается в разнообразии вариантов передачи данного понятия. Можно выделить следующие способы передачи: «Nennwörter verändern das a <...> in...», «Nennwörter erhalten...», «leiden folgende Abänderungen», «Nennwörter bekommen», «Nennwörter

haben», «das e wird <...> verwandelt», «die Endung wird <...> verändert», «Nennwörter nehmen <...> die Endung ... an», «die Endung verändert sich», «die Endung verwandelt sich». В данном случае при описании изменений мы видим различные конструкции, как в форме активного, так и в форме пассивного залога, что означает некоторый отход от русского текста в направлении немецкой традиции написания научного текста. Подобное использование многочисленных конструкций определяет терминологическое разнообразие немецкого текста. И хотя в немецком тексте редко встречаются похожие выражения, мы можем заметить и последовательность терминологии, которая выражается в использовании существительного «Abänderungen», которое считалось в немецком языке, как мы отметили это ранее, эквивалентом латинскому «decliniren».

При описании научного оформления текста хотелось бы также отметить способы введения в текст исключений из правил. На лексическом уровне данные способы не отличаются особым разнообразием. Ядром лексико-семантического поля выражений с семантикой «исключения» в русском тексте являются глаголы «вычитать» и «включать», в немецком тексте – это глагол «ausnehmen». Специфика использования этих глаголов заключается в их грамматической характеристики. Особенностью научного дискурса XVIII века является открытый диалог автора с читателем, поэтому один из приемов описания исключений заключается в использовании императивных форм: «выключай», «вычитай». В немецком тексте переводчик тяготеет к использованию устойчивого сочетания «ausgenommen», которое выражено формой второго причастия. Также в русском тексте используются возвратные формы глаголов «вычитаться», «выключаться», употребление которых синонимично пассивным конструкциям.

В немецком тексте переводчик, чтобы передать безличность научного текста, выбирает два пути. Мы отмечаем использование форм пассивного залога («*hiervon werden einige ausgenommen*»), а также личных конструкций с неопределенno-личным местоимением *man* («*man nehme hiervon diejenige*

Wörter aus»). При этом обратим внимание на использование первой формы сослагательного наклонения. Его семантику можно объяснить двумя функциями первого конъюнктива. Во-первых, он может выражать осуществимое предположение, использование конъюнктива в данной функции характерно для научного стиля. И во-вторых, он может означать указание [Schendels 1982: 91]. Использование сослагательного наклонения в последней функции можно объяснить тем, что «Российская грамматика» является по своей форме учебным пособием, в которой автор предписывает правила читателю. Выражение предписания мы можем также заметить в названии частей грамматики – наставления.

2.4. Метатекстовые высказывания в «Российской грамматике»

М.В. Ломоносова

В рамках данного раздела мы обратимся к метатекстовым высказываниям, которые в наибольшей степени обусловили метаязыковую картину анализируемого текста, а именно к выражениям, обеспечивающим связность текста, и выражениям эмоциональной оценки автора.

При прочтении текста грамматики интересно наблюдать за тем, как Ломоносов выстраивает диалог с читателем. Ранее мы отмечали использование императивных форм для побуждения читателя к действиям. Определенное влияние на восприятие читателем оказывают выражения эмоциональной оценки автора, с помощью которых читатель получает «инструкцию» по восприятию материала. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Для выражения оценки Ломоносов обращается к различным средствам на различных языковых уровнях.

Если рассматривать текст с точки зрения соединения элементов, то можно отметить конструкции, организующие общую связность текста. Среди таких высказываний можно различать те, которые организуют катафорическую связь, то есть отсылают читателя к последующему контексту, и те, которые отвечают за анафорическую связь, а именно

отсылают к предшествующему контексту. Соотношение между данными видами связи неравное, так как анафорическая связь является более частым явлением, по сравнению с катафорической связью. Катафорическая связь представлена в «Российской грамматике» в основном вводными конструкциями. Одни конструкции дают ссылки на неопределенный контекст: «как ниже сего окажется». В немецком тексте данная конструкция передается следующим способом: «wie weiter unten gezeigt werden soll». Указание на последующий текст выражено в неопределенной-личной форме. Безличность в русском языке передается при помощи возвратного глагола. В немецком языке с этой целью была использована пассивная форма сказуемого, которая также сопровождается модальным глаголом «*sollen*», который придает дополнительное значение будущего времени. Другие конструкции дают точную ссылку на последующий контекст: «окажется ниже сего, в третьем наставлении». В немецком тексте уточнение сохраняется, и к ней добавляется дополнительная информация: «*wird besser unten in dem Abschnitt von den Zeitwörtern vorkommen*». Так у читателя связывается представленный материал не только с номером наставления, а именно с информацией, представленной в данном наставлении, что облегчит дальнейшее восприятие текста.

Если рассматривать анафорическую связь, то она в основном отсылает читателя к определенному параграфу грамматики. Отсылка может быть краткая – указание в скобках номера параграфа (§ 98), или развернутая: «о чем смотри § 132». В немецком тексте конструкции в основном сохраняются: «*wovon § 112. und 113. nachzusehen ist*». Целесообразно отметить некоторые особенности. Во-первых, в немецком тексте переводчик отсылает читателя к двум параграфам, номера параграфов при этом не совпадают с русскими. При анализе, однако, было установлено, что информация, излагаемая в русских и немецких параграфах совпадает, но из-за возможных ошибок в последовательности нумерации она сбивается. Кроме того, данные несоответствия можно считать доказательством того, что перед переводом

текста была произведена правка текста. Вторая особенность заключается в грамматической форме глагола. Если в русском тексте используется императивная форма глагола, как прямое побуждение обратиться к другому параграфу, то в немецком языке переводчик отдает предпочтение пассивной конструкции *sein + zu + Infinitiv*, которая несет в себе также модальное значение долженствования.

Для начала рассмотрим способы выражения положительной оценки. Особенно часто их можно встретить во вступительной части к «Российской грамматике», где Ломоносов излагает свое размышления о русском языке в целом. Так один параграф первого наставления полностью посвящен не столько изложению грамматической информации, сколько оценке автора:

(25) Но коль велика Творческая премудрость! одарил нас словом, одарил слухом. Определенные к нам члены коль хитро устроены; не возможно и помыслить без удивления о неизреченном разуме без глубочайшего благоговения и благодарения к щедрое Всевышнего Строителя мира [Л.: 12].

(26) Wie herrlich und erhaben ist nicht die Weisheit des gütigsten Schöpfers, die uns mit der Gabe der Sprache und des Gehörs beschenkt hat! Niemand ist vermögend an die künstliche und wunderbare Zusammensetzung der hiezu bestimmten vielen Werkzeuge zu gedenken, ohne die unergründliche ewige Weisheit mit der größten Verwunderung zu erkennen, und ohne mit der innigsten Verehrung und der lebhaften Dankbegierde, gegen einen solchen milden Schöpfer des unermeßlichen Weltgebäuges, inbrünstig entflamt zu werden [L.: 3].

Данные примеры показательны с точки зрения передачи оценки на разных языковых уровнях. Во-первых, это использование лексики с ярко выраженной эмоциональной окрашенностью. Как в русском, так и в немецком тексте отличаются использованием такими эпитетами как «велика премудрость» / «*herrlich und erhaben ist die Weisheit*», «без глубочайшего благоговения» / «*mit der innigsten Verehrung*». Во-вторых, на

морфологическом уровне мы можем заметить использование превосходной степени сравнения прилагательных, как выражение наивысшей оценки: «глубочайшего благоговения» - «mit der innigsten Verehrung». В третьих, на синтаксическом уровне мы можем отметить вынесение информации на первое место, что нехарактерно для стилистически нейтрального предложения («Но коль велика...» / «wie herrlich und erhaben...»). В оригинале текста присутствует также синтаксический параллелизм, который оказывается утерянным в немецком переводе («одарил нас словом, одарил слухом»). В-четвертых, выражение выражается также посредством пунктуации: как в русском, так и в немецком тексте используется восклицательный знак. Однако интересно, что в русском тексте восклицательный знак помещается автором в середину предложения. Мы можем объяснить это стилистическим выделением не всего предложения, а определенного словосочетания. Чтобы восполнить многие непередаваемые средства выражения эмоциональности в русском языке, в переводе добавляются дополнительные средства на лексическом уровне: «mit der lebhaften Dankbegierde», «mit der größten Verwunderung».

Несмотря на то, что данный пример иллюстрирует ярко выраженную оценку как в русском, так и в немецком тексте, при прочтении мы можем заметить различие в эмоциональной оценке информации, изложенной в обоих текстах. В отражении как положительной, так и отрицательной оценки в немецком тексте можно проследить некоторое тяготение к нейтральности.

(27)Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочтется [Л.: 52].

(28)Die Moskowische Mundart erhält nicht nur aus der Ursache, weil diese Stadt die Hauptstadt des Landes ist, sondern auch wegen ihrer besonderen Annehmlichkeit und Zierlichkeit billig vor allen anderen den Vorzug [Л.: 68].

Одним из преимуществ московского наречия Ломоносов называет его

красоту. В качестве соответствия в немецком тексте используется нейтральное понятие «*Annehmlichkeit*», которое скорее имеет ассоциативный ряд прилагательных «приятный, удобный», чем «красивый, мелодичный», что и имелось в виду. Тенденцию к стилистически нейтральному изложению материала можно проследить и на примере выражения отрицательной оценки. При этом семантическое ядро оценки в целом в немецком тексте образует прилагательное «*unangenehm*», которое лишает текст эмоциональной красочности и разнообразия, которое отличает оригинальный текст.

(29) В окончании прилагательных множественного числа мужского рода вместо Е или Я, некоторые ставят везде И, что употреблении. И слуху весьма противно [Л.: 54].

(30) In den Endungen der Beiwörter, da einige bei dem männlichen Geschlecht der mehreren Zahl, statt e oder я, überall das и gebrauchen, welches so gar dem Gehör unangenehm vorkommt [Л.: 71].

Прилагательное «противно» достаточно ярко отражает оценку автора, когда как использованное в немецком понятие «*unangenehm*» передает смысл, но не стилистику высказывания.

2.5. Графический метаязык «Российской грамматики» М.В. Ломоносова

Задача данного раздела состоит в рассмотрении паралингвистических средств, которые также участвуют в метаязыковом оформлении текста и формируют восприятие материала реципиентом.

Прежде всего, при прочтении грамматики можно отметить использование различного шрифта, который служит для смыслового выделения представленной информации. Оригинальный текст грамматики кажется при прочтении более однородным. Основная часть грамматики написана шрифтом одного размера. Выделению подвергаются только определенные группы информации:

- а) названия наставлений и глав пишутся заглавными буквами, более

НАСТАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ крупным шрифтом (рис. 1);

о чтении и правописании российскомъ. б) примеры, которые приводит Ломоносов для иллюстрации какого-либо лингвистического

глава 1,
о азбукѣ российской.

рис. 1

явления выделяются курсивом (рис. 2);

в) новая, важная для запоминания информация,

например термины (рис. 2).

С одной стороны, *ходяще золочу отъ золота , ручась отъ руки ; напротивъ того терлѣніе отъ терлѣю , клятва отъ клячу ; прохожей отъ прохожу . Первые называемъ Глаголами отъженными , используемых шрифтов не другія именами отълагательными .* мешает восприятию текста, что

рис. 2

мы можем расценивать как направленность на читателя. С другой стороны, использование курсива, как для выделения примером, так и для введения новых терминов, может привести к путанице в полученной информации, так как графическое различие между терминами и примерами исчезает, и читатель воспринимает это как текст равного значения.

Немецкий текст наоборот отличается большим разнообразием графических выделений, используемых в тексте. При этом необходимо отметить, что русские и немецкие выделения не совпадают. В первую очередь

необходимо отметить

Die auf о ausgehen , sind mittleru Ge : различные шрифты русского schlechts ; als слѣбо das Wort , възгто das и немецкого текста. При Gold , кольцо der Ring.

рис. 3

переводе привычный для русского читателя шрифт

сменяется на готическое письмо, распространенное в Германии. Среди выделений в немецком тексте стоит отметить: а) примеры на русском языке

(рис. 3); б) латинские эквиваленты немецким терминам, что является отличительной чертой именно

Hiezu dienen die besondere Theile , die unsre gegenseitige Verbindung ausdrücken und theils Vorwörter Praepositiones , theils Bindes wörter Conjunctiones , genehmigt werden. Die

рис. 4

текста на немецком языке (рис. 4);

В данном разделе приведены особенности только самых основных

элементов графического метаязыка. Сам текст в силу того, что его можно рассматривать как отдельное графическое произведение, требует, несомненно, более подробного анализа. В последующем изучении графического метаязыка необходимо обратить внимание на отдельные рисунки, используемые в оформлении грамматики, таблицы, схемы.

Выводы к главе 2

Таким образом, мы можем выделить общие закономерности метаязыка Ломоносова. Во-первых, русский текст построен ярче, разнообразнее в стилистическом плане, в то время как немецкому тексту свойственна нейтральность в выборе лексических средств. Во-вторых, если рассматривать лексическое оформление русского текста грамматики в диахроническом аспекте, то оно с точки зрения современного читателя будет казаться устаревшим, за счет семантических изменений. Немецкий текст напротив больше приближен к современному варианту немецкого языка, что обеспечивает иное восприятие современным реципиентом. И, в-третьих, несмотря на то, что немецкий язык в XVIII веке кажется более современным, использование терминологии отличается некоторой непоследовательностью. Русская терминология на тот период времени также находилась на стадии формирования единой терминологической системы языкоznания. Однако в качестве отличительной особенности стиля Ломоносова мы можем отметить его последовательность и систематичность в выборе и использовании термина. Как в русском, так и в немецком языках мы можем наблюдать процесс формирования языка науки и научного стиля в целом.

Проследив на некоторых отдельных примерах использования терминов в грамматике, мы можем отметить двойственную природу терминологии обоих языков. Для русского языка, с одной стороны, характерна архаичность в стилистическом плане, но с другой стороны, последовательность в использовании термина на протяжении всего текста. В немецком тексте напротив, отмечена непоследовательность в использовании терминов,

введение нескольких вариантов и отсутствие единой системы в последующем выборе основного варианта. Но при этом текст в его лексической оформлении выглядит более приближенным к современному языку.

При рассмотрении отдельных случаев представления материала в «Российской грамматике» мы можем выделить общие закономерности оформления научного текста. В русском тексте мы можем отметить продуманность при выборе того или иного приема общенационального оформления, систематичность в его использовании. При этом многие из способов оформления текста, применяемые Ломоносовым, можно считать неактуальными для современного научного дискурса (как например, императивные формы). Немецкий текст по большей части следует за оригиналом, поэтому многие выражения можно считать калькированными с русского языка. Только лишь в некоторых случаях мы можем отметить отказ от прямого перевода текста в пользу устоявшихся в научном дискурсе XVIII века конструкций (как например, пассивные формы). Также немецкий текст в его лексическом оформлении воспринимается как более разнообразный, чем его русский оригинал, что обеспечивается за счет подбора синонимических конструкций при передаче материала.

Таким образом, можно сделать вывод, что немецкий текст в первую очередь старается передать семантику представленной в оригинале «Российской грамматики» информации (нахождение наиболее близких по смыслу конструкций), однако не всегда в переводе передается стилистика, заданная автором в оригинале. В немецком тексте мы отмечаем стремление к нейтральному изложению информации. Вследствие этого русский текст воспринимается более многогранным относительно используемых стилистических средств.

Заключение

В настоящей работе была предпринята попытка провести комплексный анализ «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1757) и ее перевода на

немецкий язык (*Rußische Grammatick*, 1764) с целью определения метаязыковых особенностей русского и немецкого текстов XVIII в. Проведенное сопоставительное исследование позволяет выявить некоторые закономерности в построении научных текстов и описать характерные черты метаязыка грамматического описания в России с учетом тенденций науки эпохи немецкого Просвещения.

Подробное изучение различных компонентов метаязыка позволило определить специфические особенности научного текста XVIII века. Русский и немецкий тексты «Российской грамматики» М. В. Ломоносова представляют собой значимые вехи на пути становления национального гуманитарного дискурса в России XVIII века, в ходе которого происходит постепенное формирование метаязыка грамматики. Об этом свидетельствует, прежде всего, подход М.В. Ломоносова к выбору применяемых терминов в русском варианте грамматики, а также одновременное использование латинских и немецких терминов в немецком переводе.

В целом анализируемые тексты отражают признаки, характерные для периода становления научного стиля, при котором стремление к объективному изложению материала в опоре на общенаучную лексику и содержательные номинативные конструкции сочетается с некоторой авторской субъективностью при интерпретации языковых фактов. При этом некоторые особенности построения текста могут служить показателями индивидуального научного стиля М.В. Ломоносова.

К характерным особенностям индивидуального стиля М.В. Ломоносова следует отнести: а) стремление логично построить текст, б) систематично изложить материал, в) выбрать и последовательно применять необходимую грамматическую терминологию, г) использовать разнообразные синтаксические конструкции. Однако следует отметить также некоторую непоследовательность автора в употреблении таких значимых понятий, «слово», «человеческое слово» и «язык».

Проведенный анализ метатекстовых высказываний показал, что

изложение содержания в «Российской грамматике» основано на живом диалоге между автором и читателем. Об этом свидетельствует не только частое использование императивных форм глаголов, служащих своего рода инструкциями по прочтению текста, но и выражений, отражающих личное отношение автора к сообщаемой информации.

В переводческом аспекте тексты «Российской грамматики» М.В. Ломоносова и её перевода на немецкий язык можно, с одной стороны, как известную адаптацию русского текста для немецкого читателя, что выражается, например, в переводе примеров на немецкий язык), а с другой стороны, как доказательство факта значительной предпереводческой обработки текста, о чем свидетельствует, например, добавление примеров на французском языке.

Настоящее исследование внесло свой небольшой вклад в изучение научного творчества М.В. Ломоносова. Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования может служить сопоставительный анализ других гуманитарных трудов М.В. Ломоносова и их переводов на европейские языки с целью выявления общих закономерностей, которые берут свое начало в европейской традиции эпохи Просвещения.

Библиография

Материал исследования

1. Lomonossow M. Rußische Grammatick / aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. - St. Petersburg: Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1764. - 383 c.
2. Ломоносов М. В. Российская грамматика. – Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1755. - 213 c.

Список источников

3. Auer P., Baßler H. Der Stil der Wissenschaft // Reden du Schreiben in der Wissenschaft. – Frankfurt/Main: Campus Verlag, 2007. – C. 9-30
4. Eichinger L. M. Gottsched, Johann Christoph // Bio-bibliographisches Handbuch zur Sprachwissenschaft des 18. Jahrhunderts. Die Grammatiker , Lexikographen und Sprachtheoretiker des deutschsprachigen Raums mit Beschreibung ihrer Werke / H. E. Brekle, E. Dobnig-Jülch, H. J. Höller, H. Weiß. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994 – Band 3: F – G. - C. 281 –
5. Eichinger L. M. Vom Glück, Regeln zu befolgen - Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Spdachengelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732-1806) / Kämper, Heidrun/Klosa, Annette/Vietze, Oda (Hrsg.), 2008. - C. 247-270.
6. Eichinger L. M. Von der HeldenSprache zur Bürgersprache- Wandel der Sprechweisen über Sprache im 18.Jahrhundert // Wirkendes Wort : deutsche Sprache und Literatur in Forschung und Lehre. – Trier: WVT Wissenschaftler Verl., 1990 – C. 74-94.
7. Filippov K. A. Zum Verhältnis von mündlicher Kommunikation in der deutschen Sprachgeschichte. // Entwicklungsetappen in der Geschichte der de u t s c h e n S p r a c h e . S y m p o s i o n a n d e r F r e i e n U n i v e r s i t ä t B e r l i n v o m 28. J u n i b i s 2. J u l i . / F r a n z S i m m l e r (Hrsg.) – Berlin: Weidler Buchverlag, 2002 - C. 269-274.
8. Glinz H. Grundsätzliches über grammatische Begriffe und grammatische Termini // Grammatische Terminologie in Sprachbuch und Unterricht/ K.-H. Heinz (Hrsg.). – Düsseldorf: Schwann, 1987. – C. 21-49

9. Gottsched J. Ch. Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasset von Johann Christoph Gottscheden – Leipzig, 1752.
10. Koch K. Deutsch als Fremdsprache in Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichge des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. - Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2002. – 395 c.
11. Metzler Lexikon Sprache. 5., aktualisierte und überarbeitete Auflage. Mit 52 Abbildungen und 12 vierfarbigen Karten / H. Glück, M. Rödel. – Stuttgart: J. B. Metzler Verlag GmbH, 2016. – 814 c.
12. Roelcke Th. Fachsprachen. 2., durchgesehene Auflage. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. – 253 c.
13. Schiewe J. Von Latein zu Deutsch, von Deutsch zu Englisch. Gründe und Folgen des Wechsels von Wissenschaftssprachen // Deutsch als Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert: Vorträge des Internationalen Symposiums vom 18./19. Januar 2000 / F. Debus (Hrsg.). – Mainz: Akad. der Wiss. Und der Litartur, 2000. - 81-105 c.
14. Schiewe J. Zum Waner des Wissrnshaftsdiskurses// Reden du Schreiben in der Wissenschaft / Peter Auer, Harald Baßler (Hrsg.). – Frankfurt/Main: Campus Verlag, 2007. – C. 31-52.
15. Stickel G. Deutsch als Wissenschaftssprache und Gottfried Wilhelm Leibniz // Sprachreport, 1999. – C. 16-19 [Эл. ресурс] URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/files/2597/Stickle_Deutsch_als_Wissenschaftssprache_und_Gottfried_Wilhelm_Leibniz.pdf (дата обращения: 26.04.2017).
16. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. – М.: Высш.шк., 1991 – 140 c.
17. Ахманова О. С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики // Вопросы языкознания – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. – № 5. – С. 115-121.

- 18.Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов – М.: Стереотип, 2016. – 576 с.
- 19.Бельчиков Ю. А., Ражева О. И. Словарь трудностей. [Эл. ресурс] URL: <http://new.gramota.ru/spravka/trudnosti> (Дата обращения: 18.05.2017).
- 20.Богатырева Н. А. Стилистика современного немецкого языка = Stilistik der deutschen Gegenwartssprache: Учеб. пособие для студ. лингв. Вузов и фак. / Н. А. Богатырева, Л. А. Ноздрина. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
- 21.Бокадорова Н. Ю. Проблемы историологии науки о языке // Вопросы языкознания. – М.: Издательство академии наук СССР, 1986. – № 6. – С. 68-76.
- 22.Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века (1700 – 1750-е годы): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 488 с.
- 23.Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – № 8. – С. 402-424.
- 24.Волков С. С. В. Е. Адодуров: Несколько дополнительных замечаний к традиционной биографии // Василий Евдокимович Адодуров "Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache" или "Первые основания российского языка" / К. А. Филиппов, С. С. Волков (отв.ред.). - СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. - С. 17-29.
- 25.Волков С. С., Карева Н. В., Филиппов К. А. "Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache" В. Е. Адодурова // Василий Евдокимович Адодуров "Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache" или "Первые основания российского языка" / К. А. Филиппов, С. С. Волков (отв.ред.). - СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. - С. 5-16.
- 26.Гвишиани Н. Б. К вопросу о метаязыке языкоznания. // Вопросы языкоznания – М.: Издательство академии наук СССР, 1983. – № 4. – С. 64-72.
- 27.Гвишиани Н. Б. Метаязык // Лингвистический энциклопедический

- словарь (под ред. В. Н. Ярцевой). – М.: Советская энциклопедия, 1990. [Эл. ресурс] URL: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/m.htm> (Дата обращения: 05.02.2017).
28. Герд А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкоznания // Прикладное языкоznания: Учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др. – СПБ: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – С. 68-90.
29. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, Санкт-Петербург: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. [Эл.ресурс] URL: <http://slovardalja.net/> (Дата обращения: 30.03.2017).
30. Дюбо Б. А. Изменение роли немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере глагольных грамматических категорий) // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. - СПб.: Нестор-История, 2013. - С. 265-285.
31. Карева Н. В. В. Е. Адодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века // Василий Евдокимович Адодуров "Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache" или "Первые основания российского языка" / К. А. Филиппов, С. С. Волков (отв.ред.). - СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. - С. 30-36.
32. Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). – СПб.: «САГА», 2002. – 352 с.
33. Лавровский П. А. О трудах Ломоносова о грамматике языка русского и по русской истории // Слово о Ломоносове. Сб.статей и монографий / Составитель и ред. В. В. Фомин. - М.: НП ИД "Русская панорама", 2012. - С. 93-113.
34. Макеева В. Н. История создания "Российской грамматики" М. В.

- Ломоносова. - Москва, Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1961. - 176 с.
35. Манерова К. В. К вопросу развития немецкой языковедческой терминологии в трудах просветителя Иоганна Кристофа Аделунга (1732-1806) // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. - С. 78-84.
36. Нефёдов С. Т. Прагматизация эпистемических модальных компонентов одна из линий их диахронической эволюции в немецком языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – №62. – С.36-43.
37. Нефёдов С. Т. Текстово-семантические функции и прагматический потенциал вставных конструкций // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – №59. – С.153-160.
38. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: ИТИ Технологии, 2006. - 944 с.
39. Ризель Э. Г., Шендельс Е. И. Стилистика немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: «Высшая школа», 1975. – 316 с.
40. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. Учеб. Пособие для студентов специальности «Журналистика». – М.: «Высшая школа», 1976. – 263 с.
41. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991. [Эл. ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (Дата обращения: 12.05.2017).
42. Слюсарева Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка. // Вопросы языкознания – М.: Издательство академии наук СССР, 1979. – № 4. – С. 69-76.
43. Филиппов К. А. «Russische Grammatick» М. В. Ломоносова в историко-культурном и лингвистическом аспектах // Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию. Со дня рождения В. Г.

- Адмони: «Научное наследие В. Г. Адмони и современная лингвистика» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 9-13 ноября 2009г.). – СПб.: Нестор-история, 2009. – С. 259-260
- 44.Филиппов К. А. Волков С. Св. М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: В. Г. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: научный доклад. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. – 60 с.
- 45.Филиппов К. А. Заметки об эстетике немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 26-31 марта 2012 г.: Избранные труды / Отв. ред. А. С. Асиновский, С. И. Богданов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 185-197
- 46.Филиппов К. А. Лейбниц - Вольф - Готтшед - Ломоносов: (к вопросу о грамматических теориях XVIII века): коллективная монография / отв.ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. - СПб.: Нестор-История, 2013. - С. 253-264.
- 47.Филиппов К. А. Личностные параметры немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века // Немецкая филология в СПбГУ: Вып. III: Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С. Т. Нефедова. – СПб.: Изд-во С.-Петербу. ун-та, 2013. – С. 41 – 52.
- 48.Филиппов К. А. Наблюдения над метаязыком концептуальных грамматических текстов эпохи немецкого Просвещения // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год / отв. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – СПб.: Геликон-Плюс, 2015. – С. 46-65.
- 49.Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм – «за» и «против»: Сб.статей / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.